

р\а\з\н\и\ц\ы

№2



р\а\з\н\и\ц\бі

Электронное периодическое литературно-публицистическое издание, writers-run zine. Без цензуры, без родины.

Мы публикуем прозу, поэзию, публицистику, интервью с авторами.

Политика журнала допускает плюрализм мировоззрений, за исключением идей авторитаризма, деспотизма и идиотизма.

Каждый номер тематический, тексты собираются через open call и личные приглашения, самотек не рассматриваем.

**[alteritiesmag.com](http://alteritiesmag.com)**

**[alterities.mag@gmail.com](mailto:alterities.mag@gmail.com)**

**[t.me/alteritiesmag](https://t.me/alteritiesmag)**

**Редакция №2 РАСПУТИЦА:**

Главный редактор: Игорь Тибман

Выпускающие редакторы: Гелевера Ева, Юлия Рудышина

Дизайн, верстка: Игорь Тибман

Иллюстрации: Игорь Тибман + Stable Diffusion, Exactly.ai

Обложка: Paul Nash «The Menin Road» 1919

Благодарности:

Jańek Brö

Анна Ясельман

Евгения Цанова

Нина Шилова

## Содержание

- 3 От редакции \ **Продолжение**
- 4 Данила Ноздряков \ **24**
- 14 Евгения Мулева \ **поэзия**
- 17 Ольга Костюк \ **95 грамм**
- 21 Улья Нова \ **поэзия**
- 25 Дина Шапиро \ **Девочка с желаниями**
- 31 Антон Климович \ **поэзия**
- 35 Катерина Мухина \ **Что говоришь — то твоё**
- 41 Анастасия Алейникова \ **поэзия**
- 47 Ксения Забуга \ **Недостаточность**
- 54 Ася Михеева & Иржи Вальдр \ **поэзия**
- 59 Елена Королькова \ **Дневник жены**
- 65 Артём Арент \ **поэзия**
- 71 Ольга Фатеева \ **Неисполнимые moralia**
- 76 Ольга Фатеева \ **интервью**
- 83 Люба Макаревская \ **Чудо**
- 87 Марина Васильева \ **поэзия**
- 95 Руслан Комадей \ **Ночной солдат**
- 102 Елизавета Гарина \ **поэзия**
- 106 Пупуш Забеян \ **Когда я была русским**
- 113 Ксения Аленчик \ **Оранжевый пуховик**
- 117 Юлия Попова \ **поэзия**
- 121 Аня Бородина \ **Пушечки**
- 126 Голиаф \ **Манифест Сениля**

## Продолжение

Когда мы придумывали весной тему этого номера, война вязла в самой гуще неопределенности, контрнаступление ВСУ все откладывалось, поставки вооружений затягивались. Казалось, кардинально ничего не изменится в ближайшие месяцы. К сожалению, так оно и вышло, хотя контрнаступление и началось, но, увы, тема номера не потеряла актуальности — распутица сезонно отступила из-под ног, но осталась в головах. И сердцах. А скоро снова вернется под ноги.

Рационально мы понимаем положение вещей, но не чувствуем его, так как нет ярких побед и поражений, как в предыдущий год, не происходит событий из ряда вон на поле боя. Рутинизация любого ада неизбежна, как энтропия, даже для непосредственных участников и свидетелей. Пока ракета не прилетает лично к тебе и твоим близким.

К сожалению, эта война оказалась затяжной. Оккупант окопался, фронт заминирован, люди и вооружения наперечет. А мы невротически отказываемся жить с этим и виним себя за то, что привыкли, приспособились. Тем не менее, и это опыт проживания. Такая стадия.

Тексты второго номера, на беглый взгляд, мало отличаются от первого, но зонтик темы подскажет разницу — меньше экстренного, больше размазанного времени.

Хотя пока идет война, все номера будут похожи.

Едва ли найдется более известный амбассадор распутицы, чем один из моих любимых живописцев, ветеран Первой мировой, британский сюрреалист Пол Нэш. *The Menin Road* (1919, Imperial War Museum, London) огромное полотно, заказанное Нэшу британским правительством еще во время войны. Тот случай, когда реальность символична сама по себе — то, что перед нами отражает то, что внутри нас. Замкнутый цикл.

Наши чувства ни на что не влияют, это хождение по кругу. Нам (не участникам боевых действий) просто надо попытаться сохранить себя до того момента, когда Украина выметет ~~сво~~ сор со своей территории.

p.s. Редакция тоже из людей, просим простить за задержку. Распутица не делает исключений.

Победы Украине!

— Игорь Тибман

**Данила Ноздряков**

В феврале прошлого года я пообещал себе не бояться. Получается ли?

Не всегда. Человек слаб, и это не новость. Я, как человек, почти год проработавший в новостях, знаю. Об этом и написанный текст.

О хлябях и топких дорогах, пролегающих далеко от военных сражений и линий боестолкновений. Я остался в Москве. Это не самое страшное в мире место, куда страшнее сейчас в окопах и уничтожаемых украинских городах.

Но Москва рождает и разливает страх по всему миру. И где, как не в ней, находится, чтобы увидеть и запротоколировать рождение и разлив кошмара.



1

Три месяца.

День в день я сидел с Мариям и Лилей в кафе у Белорусского вокзала и пил попсовейший напиток, придуманный во время другой войны австрийскими оккупантами в Италии.

— Из-за чего ты всё-таки уходишь?

Лиля вонзилась в меня монгольским взглядом и стремительно перекинулась от болтовни с Мариям на меня.

Недели две тому назад я придумал легенду и повторял её с одними и теми же подробностями, как Семён Семёныч Горбунков. Мне не хотелось им врать.

2

Чай с одним кусочком сахара. Через стеклянную дверь кухни увидел Рафа.

— Ты, говорят, уходить собрался?

— Приятель давно звал к нему в компанию. Рекламу толстовок делать.

Я включил Семён Семёныча.

— Братан, мне кажется, что таким можно заниматься, когда тебе за тридцать.

Раф — главный расследователь канала и идеолог пацанской морали.

— Мне уже за тридцать.

— Ты нормальный журналист. Не пихаешь в ленту всякое жкхашное говно, на которое всем срать. Я сразу просёк, когда мы с тобой ещё заграничную недвижку губернов искали. У тебя здесь были хорошие перспективы.

У всех нас были хорошие перспективы.

3

Мы пробыли с Дашей больше часа в переговорке. Телефон у неё под рукой постоянно загорался и гас. Каждую секунду приходили новости и требовался ответ на сообщения. Даша не отвечала.

— Здесь нет никого за войну. Аргументы закончились — пустили в ход кулаки.

Но раз ввязались в войну, то нужно в ней победить, — объясняла Даша.

— Я слишком хорошо знаю, чем всё это кончится. Маем 45-го, но не для нас.

— Подумай о семье, — Даша не собиралась махать кулаками. — Если ты собираешься уходить, тебе нужна хорошая подушка безопасности.

Я помолчал.

— Давай я тебе после восьмого марта дам ответ.

После праздника меня не спрашивали.

4

За стеклянными стенами переговорки было слышно, как Раф голосит на весь опенспейс.

— Мы их котёл в котёл на Донбассе... Двойные клещи... К празднику всё закончится...

В переговорке говорила Даша. Тише и размереннее обычного:

— Мы ничего не можем сделать сейчас. От нас ничего не зависит. Мы можем только сохранять максимальную объективность на канале. Уверяю тебя, так и будет. Нам недавно показывали на совещании документ из минобороны, где про каждый канал написано за или против войны. А наш Дэн вообще обозначен как «украинский агент». Представляешь, какие они идиоты?

Елей на душу. Мы — украинские агенты.

5

Жириновский умер.

Мы первые написали. Первые после одного его соратника.

Потом оказалось, что не умер.

Соратник решил перевести стрелки на нас и обвинил в создании фейков.

Даша экстренно собрала весь отдел, чтобы сообщить:

— В проку отправили обращение. Ждём обысков.

Всю пятницу мы удаляли компромат — чистили переписки и уничтожали бумаги. Даша ругалась на отстающих. Я первым всё стёр.

6

И надеялся, что к нам придут с обыском.

Мы гуляли с женой в парке в Филях.

— Может, и увольняться не придётся.

— И что потом?

— В Грузию.

— Я не готова.

Они так и не пришли.

7

В тот день Лиля опоздала. Опаздывать на наш завод новостей было нельзя и за это штрафовали. Лиля умела каждый раз оправдаться нелепыми историями.

— Прорвалась к свободному месту, сажусь, откидываю пальто и вижу — ноги, ноги, ноги. И тут поняла, что забыла надеть юбку. Даня, что с настроением? У тебя всё нормально? Пойдём попьем чаю?

— Пойдём попозже, — защитился вымученной улыбкой.

Я только что написал Даше в телеге:

«Наверное, мне придётся уволиться, после того что мы написали».

«Почему?»

«У меня родственники там, как я им в глаза буду смотреть».

«Хорошо. Могу я объяснить свою позицию?»

Я согласился.

8

День в офисе не отличался разнообразием.

Утренний чай.

Обзвон агентуры и просмотр тысячи местных пабликов.

Обед.

Обзвон агентуры и просмотр тысячи местных пабликов.

Вечерняя планёрка. Даша вставляла за отсутствие хороших тем.

После планёрки к нам с Лилей приходила Мариям. Мы говорили обо всём, чего нам не хватало в хороводе мертвецов, падений вертолётов, хитрых способах надувательства, мелких факапов из жизни однодневных селебов и прочей веренице происшествий. Мы говорили о кино, книгах и искусстве.

С началом войны Мариям перестала приходить. Я пытался вспомнить, чем мы с Лилей могли её обидеть.

Я её встретил утром.

— Как ты? — она улыбнулась.

— Ужасно. У двоюродного брата в Житомире погибла жена.

— Кошмар. У Димы из редакторов родители в Одессе, но их квартал вроде не бомбят. У Ани тоже родственники там. Постоянно пишут: «Почему вы не протестуете?»

— Я бы и не такое требовал, когда на дома летят снаряды.

— Помнишь, как в офис перед Новым годом каждое утро приносили мандарины и печенье? Иногда мне кажется, что всё сейчас — это просто сон, а когда открою глаза, снова будут печенье, мандарины и новогоднее настроение.

Мариям снова стала приходиться. Мы говорили о кино, книгах, искусстве. Всё, как раньше, но уже не так. Теперь мы пытались спрятаться за этими разговорами от войны.

9

Недели через две после восьмого марта, Даша подседа ко мне:

— Мы с тобой так и не поговорили с того раза. Как ты?

— Да, вроде, нормально.

— Как родственники?

— Нормально.

Нормально.

10

А мог бы честно сказать. Я струсил уходить сейчас. Я хочу и дальше писать всякую ерунду, пока люди погибают. Хочу и дальше прятать ужасное за бесконечным мельканием пустых новостей в ленте. Хочу и дальше в пропаганду. Даша ответила бы, что мы не пропаганда и ей не стыдно за нашу работу.

11

«I was sitting with my daughter in this room. But as you can see now it is not home, it is not room, it is... Maybe it is hell».

Парень в чёрной шапке плачет и показывает рукой в рабочей перчатке на яму с мутной водой. Редкий снег.

В дом прилетела ракета. Взрыв случился в комнате, где сидела жена парня в чёрной шапке. Жена погибла. Парень в чёрной шапке в тот момент укладывал спать дочь. Они остались живы.

Парень в чёрной шапке — мой двоюродный брат Игорь.

12

Я не знал, что ему написать. Но написать было надо.

Мы с ним давно не общались. С тех пор как они переехали жить в Житомир. Игорь родился на войне, когда его отец служил в Азербайджанской ССР. Они уезжали на стареньких Жигулях под обстрелом из приграничного города, где возле маленьких каменных домов раскидывали шерсть для отпугивания тарантулов и в белье прятались облепленные детёнышами скорпионы. Я разок находил его страницу, когда он служил в армии. Общение особо не клеилось.

13

В субботу, ещё не протрезвев, я написал:

«Прости, брат! Это огромное горе для всех нас. И великий позор для нашей страны».

Он ответил быстро:

«Спасибо, брат! Я не знаю, почему мы не общались. Если ты мне сейчас пишешь, то действительно у вас в стране непорядок».

14

Раньше нам никогда не позволяли пить на работе.

Всё поменялось в апреле. Дэн ездил на пару дней в Донбасс, чтобы доказывать лояльность вышестоящему начальству. Он отправился туда с оператором Валерой, вернулся без него. Нет, с Валерой ничего не случилось — просто его миссию продлили.

— Я завидую Валере. Жаль, что пришлось уехать. Там всё просто: спасаешь беженцев, прячешься от обстрелов, развозишь гуманитарку. А здесь постоянные сомнения.

К традиционным пиццам и сокам добавилось вино.

— У меня ещё вискарь в кабинете есть. Продолжим, кто захочет.

Я захотел и продолжил.

15

Валера вернулся со шматом копчёного сала и тремя бутылками горилки.

Несъедобные подгоны Валеры включали патчи с последней буквой латинского алфавита и флаг с тремя полосками непривычных цветов, двуглавым орлом и названием самопровозглашённой республики.

— Флаг повесим у нас на стене над компами, — распорядился Валера.

— Никаких флагов. У нас здесь не партизанский штаб, — обрубил инициативу Даша. И горилку пить не стала.

Я стал. И потом пьяным плакаться жене о том, как хочу уволиться, тоже стал.

16

Дэн заглянул на планёрку. Слушал, усмехался.

— Видели наши показатели по цитируемости за неделю? Там одна только тема попала, и то, что я вам принёс. Мы хорошо набрали до Нового года, но сейчас на войне...

— На специальной военной операции, — поправил Раф.

— На специальной военной операции нас многие догнали и обогнали, — продолжил Дэн. — Военкоры сейчас много набрали. Нам тоже нужны эксклюзивы, как у них. Но это не главное. Главное, что вы как-то все расслабились и перестали работать.

После планёрки Даша устремилась в переговорку. Вызывала всех по одному. До меня очередь дошла в числе последних.

— Я реформатирую работу нашего отдела. У вас с Лилей давно ничего не получалось по России. Ты теперь будешь полностью заниматься Украиной.

Отсидеться больше не получится.

17

Мы действительно расслабились.

Пятница.

Мы идём на долгий обед в ближайшую фобошную.

Впереди очередные выходные в ожидании неминуемого понедельника, страшные и короткие.

Лиля рассказывала, что наконец-то, с двадцатого раза, смогла сдать на права. Теперь надо найти того, кто купит машину.

— Знаешь, Лиля, мне тоже надо кое-что тебе рассказать. Я увольняюсь.

Это оказалось легче, чем я думал.

18

— Я подумала, что вы психанули и уволились, — встречает нас Даша после обеда. — Не справились с заданием и скрылись в закат.

В плен взяли «большую партию укронацистов» и нам предстояло выяснить, где их разместят.

Я был мужем заключённой, переставшей выходить на связь.

Был сотрудником администрации президента, желавшим наградить сотрудников колонии.

Был работником «Красного Креста». Был помощником военного прокурора. Орал и требовал.

Никто так ничего не рассказал.

19

Я готовился все выходные, чтобы написать всего лишь одно сообщение и потерять первую работу после переезда в Москву из провинции.

«Даша, доброе утро! Мне, к сожалению, придётся уволиться. Мне предложили другую работу».

Я выбирал время, когда написать. Перед завтраком нельзя. В лифте тоже. Когда одеваюсь — нельзя. И ещё много других нельзя. В метро... Но у меня пересадка на Дмитрия Донского. До неё тоже нельзя.

Решимость накрыла меня на Серпуховской, когда из вагона вышло много народа.

Даша не отвечала. Всё та же одинокая галочка около моего сообщения.

Придётся подходить, говорить.

«Хорошо».

Ответ пришёл.

20

Дни до официального увольнения были самыми счастливыми за всё время на работе.

— Когда кто-то увольняется тоже хочется всё бросить и уйти, — говорила Мариям.

Я протянул заявление на увольнение Дэну.

— Уходишь от нас?

— Ухожу.

— Ну и пиздуй.

— Так и сделаю.

— Нет, на самом деле, удачи тебе. В новой жизни всегда будет лучше.

С Дашей мы обнялись. Хотелось пустить слезу, но я же мужик и сдержался.

21

Мчусь на такси на работу.

На красный пролетает пятёрка чёрных мерсов с мигалками. За ними мигалки пожарных.

В детстве я с мамой ходил в ЖЭК, и пока она платила по счетам, я разглядывал плакаты на синих стенах. На них людей учили надевать противогазы, правильно покидать помещение и что делать в случае ядерного взрыва. Я смотрел на плакаты и мечтал, чтобы в моей жизни обязательно случились такие события.

На радиоволне вместо музыки новости.

Десант в Одессе.

На окраинах Киева перестрелки.

Мариуполь почти взят.

Взрывы в Херсоне.

Украинцы врут, что сбили два наших вертолёта.

К вечеру будет неминуемая победа славного русского оружия.  
Катастрофа случилась. Я больше её не хочу.

22

— Ну а всё же, почему ты ушёл?

— Не хочется выдавать про войну то, что мы выдаём.

— Да, мало приятного в том, что мы сейчас делаем. У меня в Дагестане тоже уже есть погибшие дальние родственники, знакомые и знакомые знакомых.

— У меня племянник погиб тоже, у двоюродной сестры из Бурятии. Она мне звонила, говорила, что неделю уже не может с ним связаться. Я узнала через журов местных, что его больше нет в живых. А военкомат молчал.

23

23-го дали выходной, как всем людям. Предыдущая неделя была тяжёлой. Призрак войны рыскал, уходил и вновь маячил в отдалении.

В ленте новостей взрывались уазики в Донецке, ехали поезда на восток с эвакуированными, собирались важные совещания и говорились грозные речи.

Лиля звонила по всем номерам, что могла найти. Путала «народные республики» и Украину.

— Добрый день, я журналистка из Москвы. Я по поводу взрыва. Что у вас там происходит?

— Я повідомлю про цей дзвінок до Служби безпеки України, — неслоь из трубки.

Лиля зажмурилась, открывала глаза и непонимающе смотрела на меня.

— На каком языке они говорят?

— На украинском.

— А в Донецке на каком?

— Ты не в Донецк позвонила, а в Киев.

— Это что, разные страны?

— Одна. Но у нас считают, что разные.

23-го было тихо и спокойно. Даже на улицах как-то не суетно, будто и выходного нет. Правильно, завтра всем на работу, времени отлежаться после торжеств нет. Казалось, что ничего не случится, и над всеми нашими страхами и ожиданиями

апокалипсиса мы потом посмеёмся. Как над неслучившимся когда-то конце света по календарю майя.

24

Время шесть утра, люди на работу едут, а эта пьянь бутовская всё орёт. И чего орут: «Ро-сс-ия! Ро-сс-ия!»

23-е февраля ещё отмечают.

К воплям прибавилось жужжание виброрезонанса. Даша.

— Война началась!

— Угу, — сонно ответил я.

— Присоединяйся к работе, я пока разбужу остальных.

Я принялся шерстить телегу.

Одесса, Днепропетровск, он же Днепр, Харьков и даже Киев. Всё взрывалось, горело и погибало. Куски речи Путина: «Я принял решение о проведении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины».

**Евгения Мулева**

Я стою в сердце проклятой страны с ворохом злых стихов, которые некуда девать. Я поэтесса, где-то же это должно пригодиться? Не пригождается. Я кричу, но моим немым криком не отвести эту беду. Весь прошлый год я пыталась не потворствовать злу: меняла работы, чтобы быть подальше от оборонных грантов. Парадокс сегодняшней науки — или ты работаешь на режим или не работаешь. Я всё ещё вязну ботинками в февральском снегу, хотя вокруг солнце и в парках расцветает жизнь. Я тянусь к жизни, пытаюсь обратить то, что вижу, в свет. И ласковое апрельское солнце, и распустившиеся над колючими заборами веточки груши напоминают, что нужно дышать и идти.

Мир воплотился в свете,  
в золотом и почти весеннем.  
Я иду и смотрю на небо,  
опрокинутое на волны  
волны плещут  
о лёд, о камень  
разбивая морозов память  
я смотрю, смотреть не сложно  
и учусь, и учусь дышать  
потому что воздух нынче  
золотой да ещё холодный  
только золото то не солнце  
это весточка мира мёртвых,  
если сможешь дышать — дыши.

я смотрю, как клубится время  
как дурнеет и как чернеет  
как мерцает в запретных буквах  
правда  
мы о правда должны молчать  
Только что-то теперь не молчится  
душит страшное —  
это птицы  
птицы-души щебечут, рвутся  
все хотят улететь, летать  
нам нельзя — запретили небо  
кто успел проскользнуть сквозь щели,  
может в голос сказать о страшном  
может честно и может громко  
на чужой, на чужой земле  
нам осталась рассветов кромка  
и прекрасно-весенний воздух  
не зависящий от решений  
тех, что носят короны гордо  
тех, что строят дворцы  
я плачу  
я ничем не могу помочь  
всем, бегущим из-под обстрелов,

Евгения Мулева

растерявших родных и жизни,  
уходящим и на границе  
повторяющим: уходи,  
уходи, хоть меня не пустят,  
уходи, так мне будет легче,  
будет мир и тогда найдёмся  
уходи, только будь живым.  
согласившись, глотая горечь —  
это гарь и, наверное, слёзы,  
очень сложно уйти — оставить.  
Что нам делать, тем кто умеет  
собирать слова как бусы  
созидать, создавать и строить  
не кричаще надрывно громким  
тем, кто был, был про жизнь и мир?

Я иду и смотрю на небо  
мне осталось смотреть на небо  
и плести кружевные строки  
и пытаться оставить в сердце  
человечное и живое  
память мира и память жизни  
опрокинутую на волны  
волны плещут  
о лёд, о камень  
волны точат седой гранит

16 марта 2022

### Ольга Костюк

Я — беларуска, живу в Новой Зеландии. 24 февраля 2022 года Россия напала на Украину с территории моей Родины. В тот же день я отправила сообщение соседке-украинке и попросила у нее прощения. Она меня простила. Я не знаю, простят ли меня другие украинцы. Можно сколько угодно спорить про коллективную ответственность, но я — беларуска, и войска Российской Федерации вошли в Украину именно из моей страны, и я чувствую за это свою вину, ответственность и стыд даже на другой стороне нашего земного воздушного шарика.

Этот рассказ — месть путинской России за то, что украла у меня шесть лет моей жизни в Москве, за то, что лишила меня друзей, знакомых, бывших коллег, за то, что отобрала у меня мою русскую литературу, за то, что вырвала изо рта мой русский язык. Этот рассказ — это совсем маленькая надежда на то, что у кого-то где-то что-то ёкнет.



## 95 грамм

Я её ждала. Знала, что она придёт со дня на день — Басковы получили свою ещё на прошлой неделе. Брали тачку у дворника и два раза ходили на почту. С силой толкали ржавую, с кривым колесом, посудину, в которой Джураб перевозил осенние листья, песок для ледяных тротуаров и звонкие бутылки и банки. Всего им пришлось пять коробок, четыре — побольше, размером с детский гробик, одна — маленькая, как школьный рюкзак их внучки Ленки. На следующий день Ленка в школу поехала на электросамокате, а старшая Баскова в знак благодарности прямо во дворе отдала Джурабу прозрачный пакет с выпадающим розовым капюшоном в искусственном меху.

В измятом извещении из песочной бумаги было написано, что вес посылки — «95 г». Я ещё подумала, что где-то там случайно пропустили первую букву — и так килограммы превратились в граммы. Но тачку у дворника решила не брать: сначала пойду на почту и всё выясню, а потом уж вернусь и попрошу Джураба помочь. Мне Джураб не откажет: я отдала ему все Максимкины старые, ещё подростковые вещи, а на прошлой неделе отнесла не тронутый кремово-бисквитный торт, который мне на 60-летие подарил финансовый отдел.

Народу на почте, как всегда, было много. Семья из дедушки, бабушки, лет на десять старше меня, и внука-дошкольника получала посылки, так же обмотанные чёрными мусорными мешками и прозрачным скотчем, как у Басковых. Они радостно водрузили две коробки на тележку для похода за картошкой на рынок и аккуратно перевезли через металлический порожек на выходе. Я слышала, как мальчик безостановочно спрашивал:

— А дрон там есть?! Мне папа дрон обещал! Есть там дрон?

Когда дошла моя очередь, я протянула постаревшее извещение в маленькое дзотовое отверстие и не успела ничего сказать, как девушка с длинными накладными ресницами вскочила и направилась в заднюю комнату. Через открытую дверь я, перекладывая паспорт с рук в карман и обратно, наблюдала, как она искала мои 95 грамм.

Почерк Максима я узнала сразу: его фирменное «р» с длинной художественной ножкой-закорючкой, печатное «т» вместо прописного и «ц», похожее на «у». Посылка была чёрной, маленькой, размером с коробку от мобильного телефона, многократно обвёрнута пищевой плёнкой. Я потрясла её и прислушалась: внутри было тихо.

На тротуаре, в десяти метрах от почты, дедушка пытался прикрутить отвалившееся от тележки колесо, рядом стояли две посылки и бабушка, которая молча наблюдала за его действиями. Внук бегал вокруг и радостно кричал: «Дрон! Дрон! Дрон!».

Я отошла от семейства, села на край пустой скамейки и, достав из сумочки пилку для ногтей, стала открывать посылку. Плёнка и полиэтилен тянулись и легко рвались. Через разодранную дырку я вытащила ярко-голубую коробку и тут же её открыла. Внутри была смятая газета. Я ощупала руками скомканную бумагу, затем аккуратно разровняла газету и прочитала: «ОАО «Заводской райпищеторг». Отчёт о прибылях и убытках, Звезда, 31 сакавіка 2022 года».

На дне коробки, в складках чёрно-белой газетной упаковки лежала брошка в форме сердца. Три крупных круглых камешка внутри, продолговатые, попеременно с маленькими — по периметру, большой, размером с тыквенную семечку, — вверху, в изгибе. Задняя фигурная стенка из олова крепко держит каждую стекляшку. Острая иголочная застёжка. Я не отрываясь смотрела на брошку, а она светила мне в глаза лучами скупого алтайского солнца. Я накрыла брошку газетой, закрыла коробку, вложила в разорванный с кружевной буквой «р» полиэтилен и пошла в сторону дома. Я вышагивала по тротуару, аккуратно переходила дорогу, останавливалась перед автомобилями. Лифт стоял на первом этаже, я нажала кнопку «4» и три раза непривычно пробормотала: «Господи, помоги! Господи, помоги! Господи, помоги!»

В квартире я подбежала к стенке, открыла верхний ящик около окна, достала косметичку, высыпала её содержимое на пол. Гигиеническая помада укатилась под кресло, резинки для волос растворились в узоре ковра, крем для рук, каменный медальон, ещё в молодости купленный в Севастополе, заколка-крабик — рассыпались по полу. Брошка в форме сердца, единственное ювелирное украшение, которое за всю жизнь смогла себе позволить моя бабушка, деревенская учительница, упала на голубую повязку для волос. Я взяла её в руки, села на холодный пол, вытянув ноги в весенних сапогах, снова открыла посылку и положила две брошки-близнеца рядом.

*апрель, 2022 г.*

**Улья Нова**

Восемь лет живу в Риге. Продолжаю писать притчи, новеллы и стихи. Определяю себя «наивный и изящный художник слова». Надеюсь на Бога, верю в поэзию, великой литературой ощущаю произведения XX века разных стран и народов. Всегда была и буду против войны, насилия и удушения свободы.

## Сказ

Москва.  
Подвесной мост.  
Горячий воск  
Капает в мозг.  
Неба серые шали  
Двигутся не спеша.  
Промозгло.  
Ветер разносит оспу.  
Белокаменный морг.  
Князь говорит: «Если б я мог!»  
Эхом вдали серый мелькает хвост.  
Кто-то кричит: «Волк!»  
И покидает пост.  
Волоком тащит узел пожитков,  
Чтобы бежать за Волгу.  
Или куда-нибудь,  
По направлению – в путь,  
В темное далеко.  
Только б не на погост.  
Чтобы дышать легко,  
Чтобы прожить долго.  
А позади – Москва,  
Будто прогорклый квас,  
Словно замочная сква...  
Вот и весь сказ.

## Пытка надеждой

пытка надеждой  
каждому беглецу  
каждому иноходцу  
каждому кто свободен  
перстнями рукой надежды  
пощечина по лицу  
ослепление надеждой  
каждого кто спокоен

надежду николавну в тещи каждому кто решил  
что в силах спастись от быта от дней рутины  
надежду сергевну в бабушки  
жителю yellow субмарины

надежду геннадевну в свекрови  
беспечной бабочке  
которая вьется вокруг свечи в баночке  
но все закончится  
«любишь кататься — люби и саночки»  
и в горку бабочка потащит саночки  
пытка надеждой

надежду константиновну  
каждому революционеру  
надежду яковлевну  
каждому мандельштаму  
надежду идущую прямо  
надежду одной левой  
штампы надежды  
шрамы надежды  
штаммы надежды

пытку надеждой  
любому искателю  
естествоиспытателю  
на водах спасателю  
каждому прорицателю  
и созерцателю  
трупов врагов на реке  
пытку надеждой

но у меня нет ничего  
кроме надежды  
у меня нет ничего  
сильнее надежды  
только надежда

греет меня в одежде  
и без одежды  
только надежда  
пламенеет меня

надежда константиновна  
надежда яковлевна  
только надежда  
нет ничего сильнее  
надежды  
надежды  
надежды

## Интервью

Твое отсутствие в Москве имеет форму треугольника, круга?  
Вместо тебя в комнате полочка, фуга?  
Ты снишься Останкинской, Шуховской, Спасской башне?  
Твой сыр просроченный, твой хлеб вчерашний?

Твое отсутствие в Москве имеет форму купола, кровли?  
Вместо тебя на асфальте лужица слез, капельки крови?  
Несколько твоих слов все еще звучат в телефоне,  
Кружатся в трубке, перебивают гудки?  
Вместо тебя в метро пассажиры с детьми,  
Служащие, старики?

Как там в Москве твоя одичалая боль, бесхозная смерть?  
Твой опустевший маршрут, осиротелый билет?  
Как хорошо, что иногда нехорошо там, где нас нет —  
Ты ведь не думаешь так вот уже несколько лет?

Ты в массовке Москвы один из хрущевки, из седой коммуналки?  
Вместо тебя на Ордынке голые балки, нетрезвые бабки?  
Вместо тебя на Покровке растаявшие снеговики, снесенные особняки?  
Кто-то в Москве за спиной все еще слышит твой смех и твои шаги?

### **Дина Шапиро**

Я родилась в Одессе, той что в Украине. Никогда не была в Американской Одессе в штате Техас, ничего не знаю об Одессе в штате Вашингтон, не в курсе о существовании тёзки родного города в далёком штате Делавэр, не знала что есть Одесса в Канаде и, кажется, в Бразилии. Но лучше бы я знала обо всех Одессах в мире, чем о том, сколько времени летит баллистическая ракета с момента пуска до места назначения. Я не хотела бы знать, чем отличается звук шахеда от звука снаряда. Хочу считать минуты до нового года, а не считать повороты и ступеньки по пути в бомбоубежище. Мне бы мечтать о путешествии в Мичиган, в снежную Лейк-Одессу, а я мечтаю о спокойном сне ночью в своей кровати. У меня много желаний, таких же доступных, банальных для других людей за пределами Украины.



## Девочка с желаниями

Девочка рисует мелом на асфальте белого голубя с зелёной веточкой в клюве. Затем рисует чёрную бомбу и зачёркивает красным. Под рисунком подпись: «Миру — мир!» Это первые буквы, которые научилась писать девочка. Потому что «М» как «Мама». Все остальные буквы она скопировала с чужих рисунков. Это просто.

Другие дети рисуют радугу и поломанные ракеты, ещё голуби, много белых птиц. Кто-то нарисовал ладошку, а в ней голубой шарик и подписал: «Земля». На конкурсе рисунков победила девочка, которая нарисовала и голубя, и голубой шарик, и солнце, и радугу, и два раза зачеркнула большую чёрную бомбу.

- Ты знаешь, что это за веточка?
- Так красивей.
- Это не простая веточка.
- Потом будет цветик-семицветик.
- А почему голубь белый, а не серый?
- Красная конфетка вкусная. Спасибо.
- У тебя есть своя голова, чтобы думать.
- А новый год скоро?

\*\*\*

Девочка старательно выводит каракули на клетчатом листке. Когда вошла мама, девочка прикусила язык, но успела накрыть ладошками написанное.

- Не смотри, а то не сбудется.
- Лучше на столе убери.
- Отправлю письмо. Бабушка дала конверт.
- Кому?
- Где почта?
- Пятый трамвай. Две остановки и налево.
- Уже темно.
- Тебе не срочно?
- Чтобы успеть до Нового года.
- Тогда в почтовый ящик. И собери игрушки!

Когда мама загремела кастрюлями, девочка дописала: «и мир во всём мире», лизнула тонкую полоску клея, придавила конверт Сказками Андерсена, села на подоконник. Дышит на стекло, а с той стороны мороз рисует для неё узоры. Перед сном снова загадала желание, то же самое, чтобы кроме Деда Мороза, его услышал ангел хранитель.

Под ёлкой лежат три коробки. Для мамы, для бабушки и для неё. В своей девочка нашла коляску для куклы, как и загадывала.

\*\*\*

Возле школы играют в мяч, классики и выбивного. Девочки в белых гольфах перескакивают через резинки. Порхают коричневые юбки, подпрыгивают белые банты.

- Си-ро-та.
- У меня есть мама и бабушка!
- Си-рот-ка.
- Он вернётся. Сосед пришёл.
- Без но-ги.
- А у тебя мама пьёт!
- Дура!
- Аф-га-ни-стан!

Девочка сдирает с одноклассницы бант с клоком волос и бросает в клумбу.

- Чтоб ты сдохла, как твой папаша!

На красном ковре перед директором стоят две девочки. У одной нет банта, клока волос и мама пьёт, у другой — разбита губа, а папа на войне в Афганистане.

Девочка скрещивает пальцы за спиной и мысленно просит: «Пусть наступит мир. Ну, пожалуйста!»

Дина Шапиро

\*\*\*

Первый день рождения только с друзьями. Мама с бабушкой обещали пойти к соседке смотреть сериал. Именинница заказала стол «без дурацкого оливье, голубцов и шубы». Ей запретили пить алкоголь. И чтобы по домам в девять. Ещё посуду мыть.

- Что ты хочешь на день рождения?
- Я уже начинаю сожалеть, что не маленькая, тогда подарки были сюрпризами.
- Открылся новый универмаг.
- Гадость какая.
- Ну всё-таки, не хочется дарить барахло, которое ты выбросишь.
- Дай подумать.

Вынесли праздничный торт. Шестнадцать свечей танцуют на кремовых завитках. Девушка зажмурилась, загадала желание, а пока дула, добавила: «И чтобы был мир».

- Что загадала?
- Знаешь всё, зачем спрашиваешь.
- Думала, ты уже не ребёнок и не веришь в сказки.
- Ты что во что-то веришь?
- Я реалистка.
- Купи тушь для ресниц.

\*\*\*

Молодая женщина морщится, внутритолкается ребёнок. Под грудью тарелка с чипсами. Муж держит её за руку, иногда гладит пальчиком запястье. Они смотрят длинный фильм про любовь.

- Не нужно «Звонок»
- Это новый.
- Тебе нельзя волноваться.
- Это ты волнуешься. Я в порядке.
- Лучше набери врача, мало ли.
- Да нормально всё, я себя знаю.
- Смотри, какая тачка!
- Зря ты заплатил за роды, это развод.
- Когда-то и у меня такая будет.
- По скорой тоже нормально рожают.
- Хороший понт дороже денег.
- Ты меня любишь?
- Скажешь, чем закончится?

Он уснул, она переключила канал, задержалась на новостях. Диктор сказал, что подписан договор о прекращении боевых действий в Чечне.

\*\*\*

В новых сапогах, с тушью на ресницах, женщина мёрзнет возле районного суда. Не надела шапку, чтобы остаться красивой. Первую проседь скрывает снег.

Он опоздал на заседание, и по решению суда слушание перенесли. На улице минус десять, у неё минус один брак. Она давно так решила. А нужно было ещё раньше. До синяков.

- Если подашь на алименты, никаких денег не дам.
- Как скажешь.
- Скажи честно у тебя любовник?
- Что дочке сказать, где её папа?
- Я же кухню сделал. Диван купил.
- Можешь видеться с ней по выходным.
- Признайся, кто он?
- Мы пока поживём у мамы. Забери свои вещи. Я упаковала в мешки.
- Да кому ты будешь нужна? Баба с довеском!
- Ключи вернёшь.
- Сука!

Он сжал кулак и приподнял. Мимо проехала полицейская машина. Женщина прикусила губу и пожалела, что не надела шапку. Разойтись мирно не удалось.

\*\*\*

Мама с дочкой наряжают маленькую искусственную ёлку. В прошлом году была большая, пахла хвоей и детством. Её очистили квартиру от иголок. По телевизору симпатичный Дед Мороз в красном халате рекламирует драгоценности.

- Он придёт к нам?
- Кто?
- Этот в рекламе похож на него.
- Потому что борода.
- И волос на груди нет.

С ёлки упал и разбился шар. Она бросилась за веником и пылесосом. Вернулась с шампанским.

- Поэтому мы будем встречаться у него.
- Я хочу переехать.
- Держи, с наступающим!
- Есть без газиков?
- Мы поссорились.
- Ладно, шампанское тоже пойдёт.
- Уверена, что помиримся, всегда миримся. Взрослые уже. Аж смешно.
- Я через два часа пойду.
- Ты на меня не равняйся. Бывает мирная и спокойная жизнь.
- Вернусь второго числа.
- Оставайся, если хочешь. Он приличный парень.
- Твой точно придёт?
- Подарок возьми, под ёлкой.

Мать закрыла дверь. Набрала в ванну с пеной. В горячей воде расслабилась и размякла. Пока он не пришёл и не закончилось шампанское, думает что загадать. Одно не нужно придумывать: «чтобы не было войны» — обязательно.

\*\*\*

В бомбоубежище кричит младенец. Мать плачет вместе с другими людьми, даже если у них на лице нет слез. Ей удалось дать ребёнку грудь. Стало слышно как воет сирена. Она нашла взглядом дочь. Девушка дремлет в обнимку с небритым юношей. Пять утра.

- Если мы вместе начнём что-то желать, оно сбудется?
- Я готова делать всё, лишь бы это закончилось.
- Знаете молитвы?
- Забыла ингалятор.
- Вы тут с кем?
- Кота оставила дома. Вдруг это надолго? Он с ума сойдёт от страха.
- Хотите чаю?
- У меня мама в Ирпене. Не могу дозвониться.
- Возьмите мой плед.
- В новостях такое пишут. Сюр какой-то. Мамочки!
- Моя дочь выходит замуж.
- Буду чай.
- Правильно. За мир.

Через девять месяцев она стала бабушкой. Дочка вдовой. Не сработали молитвы, правильные посылы Вселенной, не работает никакая магия. Бессильны проклятия, порча, куклы вуду, шаманские пляски с бубном. «Миру — мир, а врагам — смерть» — она дописала к пожеланиям в 2023 году.

**Антон Климович**

Собіратель зверобоя из Минска — Киева — Варшавы. Плету камуфляжные сетки и перевожу тексты про репрессии. Много плачу, улыбаюсь и пишу; выучусь на клинического психолога, потому что хочу выйти за пределы самоуспокоения. Верю в ценность паллиативной помощи.

Мне очень стыдно, что я был под Окрестина, но не внутри —  
enters a categorical imperative of monetizing your pain

снимать тревогу — это усыплять  
неравенство  
возбуждает  
                                потоки электронов  
чтобы усилить сон

нам не хв(а)тило ресурса  
теперь я свой испорченный портрет

самая страшная пытка — доведение до самоубийства  
prison is a form of torture, and you fear torture more than death

она хранит у себя фотографию моей души — терабайтник с бэкапом моего  
ноута  
я данные, а не исследователь  
документ, а не поэт  
я пишу сам себя без агентства Смотрящего  
с ним тяжело бороться, он очень боится потерять контроль  
потерять контроль — значит верная смерть  
даже не Гаага  
даже не страшный суд  
потерять контроль — хуже чем умереть  
                                хуже чем убивать  
                                хуже чем быть самим собой

он уже в аду  
осталось не утонуть  
или утонуть и переродиться  
сбросив панцирь цемента и кормушек и хлеба под головой

«Антошка, мне так тяжело жить»  
«Хуй без соли последний доедаю»  
«Тебе нужна работа?»

шутить — это показывать общий стыд широкой публике

я Шут, потому что никто не хочет работать

развлечение бедных: ютуб

гулять в парке

изменять сознание веществами

развлечение больных: читать про свою болезнь

развлечение на время войны: переводить рассказ про изнасилование

писать про смерть

рисовать про тюрьму

слушать человека в чьей жизни не было такого как у

тебя

общая фантазия жить в коммуне

выращивать вместе тыквы и клубнику

сжигать колорадских жуков

листья

мусо[...]

жить в безопасности

испытывать радость

хорошо спать

чувствовать аппетит

заниматься спортом

выучить что-то нужное, интересное

(поверив что эти два слова могут идти вместе)

вместе рассуждать о крышевании как о младшем брате колониализма

абсолют близорук:

мы уже ушли в лес

растим у озера

фасоль и бураки

чарнобыльські шлях — хартыя<sup>97</sup> в закладках отца

стою справа от него, сидящего в офисном кресле

смотрю

стыдно, что живу с родителями и не решаюсь быть там

на площади — мне 14

на майдане — мне 17

как стыдно

хуйня мои переводы тексты активизм  
когдаумираютлюди

я вру будто у меня есть надежда  
и иногда так хорошо притворяюсь  
что будто даже её чувствую  
потому что неловко начинать ужасом и заканчивать ужасом  
потому что без надежды только лечь и умереть  
начиная притворяться для других, продолжаю для себя  
или наоборот  
не важно

time is history  
a memory of hourself  
I see only myself and I hate it  
how unfortunate  
fascism has become a norm — how do I unlearn it?  
there's no such thing as unseeing  
acceptance is a way to overcome fear  
accepting your death

все виноваты  
и я виноват  
даже если у меня сидят на шее,  
то я сажу у кого-то другого  
вечная вина аморальна  
она обезоруживает  
она заставляет сдаться  
она — это насильное принятие  
воли к жизни посильнее моей

я не знаю, что пишут после такого  
после того, когда потерялся смысл заканчивать

### Катерина Мухина

Долгое время мне казалось, что я живу в серой зоне — будто семья, работающая на госслужбе, должна была защитить меня, если я перейду грань в своих антиправительственных высказываниях. Чары спали, когда я попала на свой первый оппозиционный митинг и решила заснять происходящее в сторис, а чёрные шлемы с электрошокерами наперевес решили иначе. На память остались шрам от садины на всё колено и новая дверь квартиры, которую пришлось поменять, потому что убегая я выронила ключи.

Я продолжаю думать, что всё, что я делаю — отстранённо документирую реальность как она есть, оставляя оценочные суждения на волю читателей. Но стала бы я этим заниматься, если бы не хотела каждой буквой прокричать во всю мощь лёгких: «Нельзя убивать людей»?



## Что говоришь — то твоё

Когда присоединили Крым, я не могла радоваться вместе со всем классом, потому что у меня сел голос. Я помню, как шутили про то, что и Аляску сейчас отберём и вообще скоро весь мир будет Россией. Я помню, как мурашечное чувство патриотизма переполняло меня изнутри. Я помню, как хотела разделить эту радость с остальными, но простуда мне этого не позволяла, и я так злилась на неё.

Накануне я сидела на диване, закутавшись в плед, и смотрела телевизор, пока бабушка делала мне полоскание для горла. Плед был красным и клетчатым, а ещё ужасно колючим, но бабушка сказала, что так надо, раз колет, значит, из настоящей шерсти, хорошо греет. Потом я полоскала горло горячим отваром ромашки, он обжигал нёбо и надолго оставлял во рту кисло-травяной привкус болезни. Когда я вернулась в комнату, начались вечерние новости, диктор вдохновенно вещал, показывая на карту у себя за спиной. Бабушка радовалась, и я решила, что нужно радоваться вместе с ней.

*Голос человека — это поток звуков, образуемых голосовым аппаратом человека и отличающихся высотой, силой, тембром и т. п., а также сама звучащая речь. Способность говорить: 1. Если голос стал хриплым, слабым из-за простуды, чрезмерного и длительного напряжения и т. п., то говорят, что голос сел. 2. Если кто-то потерял, сорвал голос, это значит, что он либо простудился, либо слишком много и громко говорил, пел и т. п., так что голос стал слабым и человеку трудно и больно говорить. 3. Голос вернулся — это означает, что человек снова (после выздоровления) нормально говорит своим обычным голосом.*

— Толковый словарь Дмитриева

Из своих первых выборов я помню только синюю обложку из мягкой резины с гербом города на одной стороне и надписью «Мы Петербург» на другой. Их раздавали как подарок за активную гражданскую позицию, и я до сих пор ношу в ней проездной. Мне только-только исполнилось восемнадцать, поэтому нестерпимо хотелось отыграться за все те годы, когда бабушка работала сутками, подсчитывая бюллетени, а потом возвращалась домой с красными от недосыпа глазами и спокойно объявляла, что нужный человек выбран. Избирательный участок был в школе, где я год назад сдала ЕГЭ, поэтому сами стены давили на меня, заставляли побыстрее выполнить гражданский долг и сбежать. Кажется, тогда вместе со мной была бабушка. Кажется, вопреки её советам я проголосовала против всех.

Потом я голосовала против поправок в Конституции, сфоткав бюллетень, чтобы выложить в сторис и ничего этим не добиться. Я проставляла галочки за кандидатов, которых мне подсказал бот «Умного голосования», и чуть не перепутала двух с похожими фамилиями, оппозиционного и проправительственного. Но я с детства знала изнанку выборов, поэтому голосование было для меня моральной ответственностью перед собой: пусть это ничего не изменит, но я сделаю что должно, даже понимая, что мой голос или случайно-неслучайно затеряется вместе с другими такими же или будет задавлен штампованными бланками с галочками за нужных кандидатов. То, что меня не услышат, не значит, что я буду молчать.

*Денис Французов, председатель Красногорской торгово-промышленной палаты: «Как-то давно услышал такую фразу „Плохие власти выбираются хорошими гражданами, которые не голосуют“. К моему удивлению, многие мои знакомые, которые постоянно критикуют власть, вообще не ходят на выборы. Как мне представляется, это контрпродуктивно! Сегодня, 18 сентября, — единый день голосования. Призываю всех друзей, товарищей, единомышленников, которые еще не выполнили свой гражданский долг, прийти на избирательные участки и отдать свой голос за тех кандидатов и те партии, которым вы доверяете. Поверьте, ВАШ ГОЛОС ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ!»*

— Газета «Красногорские вести» за сентябрь 2016 года

Каждый говорящий хочет, чтобы его услышали. Это первично, потом уже — чтобы послушали, поняли, согласились, приняли к сведению, действовали согласно воле говорящего. Но потребность говорить не равняется потребности быть услышанным. Голос будет глаголить, даже если нет слушателей. Если вы последний человек в мире, ваши слова не становятся от этого менее значимыми и менее нуждающимися в говорении. Вы будете говорить — хотя бы чтобы услышать самого себя. Вы будете говорить с животными — воробьями в кустах, кошками во дворах, собаками на улицах, комарами на стенах, рыбами в прудах. Иногда они даже будут вам отвечать, но скорее всего вы будете в это верить, потому что коммуникация — базовая потребность человека. Если в воображаемом конце света отсутствуют животные, вы перейдёте на растения. Можно поговорить с ясенем, берёзой или сосной, можно ругаться на домашний кактус, когда он начнёт засыхать, и хвалить его, когда пустит новый побег, можно поспорить с шиповником, нашептать сокровенное тюльпану, поблагодарить траву за то, что она такая мягкая, зелёная и прохладная. Дальше остаются вещи — любимая детская игрушка, робот-пылесос, который слишком напоминает питомца, вечно перегорающая лампа, раздражающая книжка, фотоаппарат с тонко выверенными настройками. Если вас поместить в герметичное пространство без стен, пола и горизонта, в камеру максимально невыносимого одиночного режима, снять всю одежду, лишить колец и серёг, то с вами всё ещё останутся забавно урчащий живот, ноющая поясница и ловко щёлкающая рука. После них — боги, диктаторы и кумиры, вселенная, судьба, образы близких и ненавидимых, воображаемые тени тех, кого раньше вы встречали только мельком на перекрёстках или видели во снах. Когда все они уйдут, ваш голос будете слышать только вы, но и этого достаточно.

### ***Послушайте голос ребёнка***

*В детской практике очень часто встречаются нарушения голоса — до 60% случаев мы выявляем. Но родители, к сожалению, часто не обращают на это внимания, сводят все к тому, что «ребенок у меня крикун». На самом деле это могут быть певческие узелки, папилломы на связках, которые в последующем способны привести к полной потере голоса вплоть до оперативных вмешательств. Поэтому в случае, если возникают изменения в голосе, нарушение его тональности, периодическая осиплость, надо обратиться к ЛОР-врачу, который проведет обследование и выяснит, с чем связана патология.*

***Реклама:*** *Киеву нельзя верить! Украина разрабатывает ядерное оружие вопреки договоренностям*

*«Герои — не куклы!». Как российские военные дают прикурить укронацистам  
Пустили весь арсенал. НАТО использует все средства для разведки на юге РФ  
Фашистский Киев. СБУ и полиция Украины убивают людей за поддержку России.*

**Гигиена голоса. Важные принципы**

*Если у вас была трехчасовая голосовая нагрузка, необходим перерыв — «час тишины». Курение, крепкий алкоголь — безусловный вред для голосовых связок, которые являются нежным аппаратом.*

— Сайт областной психиатрической больницы №3

Я сидела на семейном застолье. Все оделись празднично, одна я была в домашних лосинах и толстовке с пятнами от краски для волос. На столе разложили салаты с избытком майонеза, бутерброды с жирной колбасой, дымящуюся картошку с укропом. Конечно, поставили дорогой коньяк, уже не такую дорогую водку и дешёвое вино, которое никто и не собирался пить. Мне пришлось сходить на кухню за стаканом чая, хотя под влиянием алкоголя было бы легче выносить пьяные дискуссии тех, кто вот-вот собьёт бокал локтём или уронит кусок сыра в аляпистый торт с кремом. Пока меня не было, начали разговаривать — о погоде, продуктах и пенсии. Кто-то неосторожно выбросил фразу: как же хорошо жить в нашей стране. Я отодвинула стул, скрипом паркета призвала к себе внимание и выдала давно подготовленную речь. Я говорила о том, насколько малы их пенсии в сравнении с ценами на продукты. О том, что свободы с каждым новым законом становится меньше. О том, как сажают тех, кто проводит расследования о коррупции, кто стоит с плакатом на митинге, кто выпускает запретные тексты вопреки цензуре, кто борется за права тех, кого сажают. О том, сколько уже эмигрировало и сколько отчаянно ищущих возможность пересечь границу и остаться там. О том, как лицемерны патриотические лозунги, под которыми людей отправляют убивать таких же людей.

Я очень старалась не срываться на крик, как бы ни казалось, что громкость голоса поможет лучше достучаться до слушающих. Я теребила кольцо на большом пальце, убрав руку за спину. Я выстраивала факты в логические цепочки и жалела, что у меня нет проектора и доски с маркером, чтобы было нагляднее.

Когда я закончила, я обвела всех взглядом в поисках если не аплодисментов, то понимания и согласия. Ответом была тишина, потому что на самом деле никакую речь на семейном застолье я не произносила, быстро допила свой чай и ушла, пока не начались пьяные разговоры о политике.

*Из-под каких развалин говорю,  
Из-под какого я кричу обвала,  
Как в негашёной извести горю  
Под сводами зловонного подвала.  
Я притворюсь беззвучною зимой  
И вечные навек захлопну двери,  
И всё-таки узнают голос мой,  
И всё-таки ему опять поверят.*

— Анна Ахматова «Надпись на книге»

Я почти легла спать, когда Катя прислала голосовое сообщение. И следом надрывное: «Послушай, пожалуйста, поскорее». Я нажала на пуск: «Такая забавная штука — голосовые. Вот сейчас я всё это буду записывать, нервничать, а ты слушаешь, когда уже всё произойдёт. Как будто телеграмму в будущее отправляю. Но пока я в моменте. Я в моменте, не пишите, не звоните, помнишь песню из тиктока? Так, ладно, на меня прохожий посмотрел с таким лицом, как будто в психушку собрался звонить. Пусть звонит — тогда мне не придётся открывать почтовый ящик квартиры, где прописано трое близких мне мужчин. Сейчас как вытяну три повестки разом и всё. Фак, парадная не открывается. Ну же, блин, а, всё, открылась. Итак, момент истины, барабанная дробь, нет, пока без дроби, я ключ от ящика не могу найти. Как же меня бесит эта сумка, вроде мало вещей, а всё равно каждый раз как археолог на раскопках в ней копаюсь. Нашла. Может, забить и не открывать ящик? Что я буду делать, если там реально повестка? Владимир хотя бы на другой конец города переехал, вряд ли найдут, тем более он снимает. Прикольно, конечно, перед самым показом в театралке остаться без мастера, режиссёра, да на нём весь показ и держится, мы без него не сыграем. Я тебе рассказывала, что спала с ним? Да, в четырнадцать лет и просто в одной палатке, но как звучит! Я тут просто из стороны в сторону хожу мимо этого ящика, мне его уже поджечь хочется, хотя лучше, наверное, свинтить его и выбросить куда-нибудь. Так, ладно, я снова много говорю и ничего не сказала толком. За Мирона я не особо волнуюсь, на дачу уедет и там месяцок перекантуется, а вот папа... Он же, блин, патриот, всё за Родину, точно сразу в военкомат побежит, если только мачеха ему мозги не вправит, мол, у тебя пятилетняя дочка, алё, куда ты собрался. А-а-а, всё, я замёрзла, тут из-под двери дует как на улице, надо открывать. И... И... И... И ничего. Только реклама Ростелекома, хотя мы уже им пользуемся».

### **Анастасия Алейникова**

Весь год с начала войны мне, как и многим, казалось, что никаких слов к происходящему вокруг и в душе подобрать невозможно.

Распутица, хаос и сумбур, а также состояние сна — то, что сопутствовало тишине и пустоте в течение всего года. И всё же отрывками, изредка, прорывались слова, приходили строчки, разрушали тишину и давали имена вещам; в моменты, когда это удавалось, слово вновь побеждало — хотя и риторику побед и поражений не хочется теперь использовать даже здесь. Слова вновь давали надежду.

Ничего похожего на протестный лозунг, никаких ярких злободневных стихов у меня не написалось; по разным причинам я осталась в России, где состояние оцепенения, сна при наблюдении за катастрофой, кажется, сильнее сейчас, чем где-либо. Ты тоскуешь по родине, даже не покидая её пределов; ты взвешиваешь каждое слово в соцсетях; ты сначала думаешь, что совсем ничем никому не можешь помочь; и в то же время жизнь со своими проблемами продолжает идти. Всё, что к моменту публикации у меня получилось сказать о происходящем цельного и более-менее адекватного — в этом номере. И я благодарна каждой строчке.

Называя, определяешь. Определяя, осознаёшь. Осознавая, принимаешь или хотя бы признаёшь. А значит, идёшь дальше, пробуя и подбирая всё новые слова, которые постепенно вновь перестают казаться набором букв. Идти вперёд, заговаривая тишину и подбирая к ней и ко всему вообще слова — это тоже сопротивление злу.

**Два стихотворения-близнеца:** о чудесном несмотря ни на что, но о сомнении /  
и о собственном ощущении бессилия — но о надежде

\*\*\*

..но свет — каким же стал  
на фоне этой ночи  
да, формула проста,  
но действеннее прочих

Да, вечный парадокс  
и аргумент банальный  
у тёмных сил — мол, бог  
и свет без нас не знали б

Зачем, кому светить  
и дня ведь нет без ночи  
и это убедитель-  
тельно бывает, между прочим

Но нет, не о таком,  
не оправдания ради —  
но я гляжу кругом —  
и всё вокруг — о правде

Вот там же, посреди  
огня, и тьмы, и ада  
Есть то, что обрести  
Позволит эту правду

Не сами по себе  
огонь, и тьма, и ад  
не совокупность бед  
как часто говорят

(мол, для души оно  
полезно, обрати  
внимание, полно  
там плюсов — их найди)

От них нам только вред  
они нам только яд  
вся польза — это след-  
ствие того что взгляд

Особенный у нас  
настроенный на свет  
А в остальном — вина  
и совокупность бед

Но посреди вины  
за гранью зла и ада  
так явственно видны  
как вспышки свет и правда

Сквозь слёзы и до слёз  
смотреть на них и думать —  
чудесное сквозь зло,  
чудесное сквозь зло,  
но что же, что же в сумме

*март 2022*

\*\*\*

Но слава богу все мы живы  
На том спасибо  
Но делать с этим что скажи мне  
В проклятом лимбе

Ты избежал петли и пули  
чуть-чуть помедлив  
А нас во времени вернули  
иные петли

Нам сконструировали ада  
само преддверие  
и мы стоим и наблюдаем  
за кругом первым

И голос мерзкий говорит нам  
Ну расскажи им  
Им под огнём на них открытым  
Про страх режима

И постепенно исчезают  
Слова и смыслы  
И мы молчим молчим часами  
И видим числа

И мы становимся часами  
Мы стали числа  
Ушедших дней и тех кто с нами  
Остался в мыслях

Ушли слова — остались числа  
В окне застыли  
Красиво облака зависли  
Им запретили

И я смотрю на них часами  
Не разгадаю  
Что делать им, не исчезая,  
Не улетая

И я пишу из пустоты  
Вот эти письма  
Как будто что-нибудь от них  
Ещё зависит

Ловлю слова, не позволяя  
Им распадаться  
Но ускользают, нет числа им,  
Всё время рифмы

И проникает словно воздух  
Вокруг отравлен  
Везде полураспада проза  
И побеждает



**Символ сна / Прямым текстом**

Они испортили символ сна,  
И это бы полбеда.  
Но я повторяю: идёт война,  
Войне, войну, войны.  
Вой-нет, не-вой, вой-не-вой,  
А идёт война  
Войну не прикрыть сво  
исковерканным символом сна  
То не сон, а явь, это явно всем  
Кроме тех кто в глубоком сне  
всем война и для всех война  
самая выгодная цена  
жизнь цена, жизнь не ценна  
То не сон, то явь — не тая  
И не та я  
Всё явно и всё явней  
то война во мне или я в ней  
Или я вне?  
Я вне войны, явнее вины  
Следы во мне видны  
Явнее я в неё не... /верю/  
Явнее я вне её  
Явное явное всё  
Явное явно есть но  
Новой войной о войне  
Новой войной — война  
Новой символикой сна  
Явной войной — войну  
Явной войной — войны  
Сном наяву войну назову  
Явной войной войну назову наяву  
Словом разрушившим сны

январь 2023

### Ксения Забуга

Вопль ужаса. В январе двадцать второго зарождающийся под бабушкино: "Хоть бы не было войны". В феврале-июне — непрекращающийся, в вопросах: "Как вы там?" и ответах: "Живы".

Ближе к двадцать третьему на судорожном вздохе, потому что все это уже сюр — пожалуйста, хватит.

И правда, пожалуйста, хватит.

Остановитесь.



## Недостаточность

**бабушка, бабушка**

— Сухость во рту, горечь, — Докторишка перечисляет, — тошнота, жажда... Поясница, боль острая? Тянет?

Лежу на кровати, прикрытая простынкой, только киваю.

— Так как болит? Не кивайте, а говорите.

Я не ему, а телевизору киваю — одни мальчишки молчаливые на танках катятся, другие из автоматов по мёртвым окнам искорёженных домов стрекочут. Дорога их в чёрных воронках по обе стороны измарана останками тел, пятнами крови с грязью. Молилась сколько, вспухшие пальцы кой-как в знамение сложила, всё бубнила дура старая: «Хоть бы не было...» А вот она.

— Бабушка, писаете, крови много идёт?

Смотрю на свою ночнушку — те же бурые крапины, какими мальчишки сёла окропляют. Киваю, крови много идёт...

Пока шуршит в своём чемоданчике, в телевизоре большущими белыми буквами «ДЕТИ» на асфальте. По зеленеющей траве раскиданы пожжёнными кирпичами останки взорванного здания, дым валит, крыша обрушена. Показывают, как внутри до было, фонарём светят: стоят детки в курточках, много-много зайчаток, старухи платочками повязанные, глаза шарами, шевельнуться боятся.

*Что ж творится?! Глухим ужасом давит грудь, слова выговорить не могу — задыхаюсь. Докторишка меня за руку хватает, успокаивает:*

— Это всё закончится, — нащупывает вену, что-то колет. — Я б вас в больницу, да мест нет.

Чемоданчик свой хват, шорк-шорк рваными бахилами в коридор.

— Ну, успокаивайтесь и закрывайтесь, бабушка.

Убёг.

Покряхтела за ним закрыть дверь: волочу вспухшими ногами по холодному полу мимо зеркала, оглядываюсь — ну мертвечина! Рожа бледная, губы тёмно-синие, кожа ссохшаяся.

Сижусь на стульчике, утираю слёзы платочком, таблетку под языком рассасываю — сердце успокоить.

— Всё хорошо с Кисёнком. — Ласка сидит рядышком, опухшие глазёнки в пол опустила. — Просто не может пока позвонить.

Телевизор пролистывает картинки ссохшихся мальчишек — летят домой. Кому ноги пообрубало, кому лица пообжигало, кто пустыми глазами еле моргает, кто улыбается: «Я, — говорит, — подлечусь и обратно». Зыркаю — у кого родимое пятнышко под левым глазом? У кого волосики кучерявятся? Не вижу нашего Кисёнка. Полтора месяца как нет. *Ласка говорит, убёг, а по мне — так точно забрали.* Переключаю канал — всё то же: летят, возвращаются. Переключаю — летят. Переключаю — возвращаются мальчишки. Ни в одном не разглядела нашего. Только бы вернулся, молю.

Ночью клюкой кой-как в стену стучу: беги, доченька, — помираю.

Ласка влетает в комнату растрёпанная, телевизор меня холодным голубым как полоснёт, она в два прыжка и к кровати: «Мамочка, миленькая, — хнычет, — сейчас, сейчас!»

Стягивает простынь, ночнушку приподнимает — под ней костлявые бёдра измазаны кровью. Мычу, тычу в живот — болит, будто изнутри вспороли.

— Тошнит?

Киваю.

Тыркает меня набок — меня и выворачивает на подушку, чем поклевала утром. Стыдоба-то — кривлюсь, слёзы хлещут. Горло дерёт, — *пить!* — опять идёт — каша манная, зубов нет — через силу глотала, зачем давилась, ртом воздух хватаю — не вздохнуть, выворачивает.

— Сейчас, сейчас... — бежит к телефону Докторишку вызывать.

Жжёт лёгкие, — *пить!* — низ живота клоочет кровью, чувствую — описалась, — *жарко! окно открой,* — в телевизор одним глазом: мальчишки ружья на груди сложили, на меня сквозь алый снег таращатся. Вскрикиваю, жмурюсь.

— Бабушка, — сквозь Ласкины рыдания доносится, — бабушка?

Поднимаю глаза, в телевизоре Кисёнок хныкает. Волосики в бурое месиво слиплись, правой ручки нет. *Зайчик, как ты дальше жить будешь?* Улыбаюсь нашему мальчику, кой-как перекрещиваю, молю: «Кисёнок, миленький, возвращайся. Я помру, а ты...»

**всё, беги, Кисёнок**

*... приказываю Вам «23» 09 2022 г. к «10» часам явиться в военный комиссариат.*

— К девяти на автобус, вас кучей заберут и отвезут, — протягивает повестку. — Расписывайся.

*Суки, суки, суки! Суки!*

— ... по вопросу, — всхлипывает мама, — мобилизации?

*Нахер. Бежать. Спрячусь. Пусть попробуют найти.*

Бабушка кричит из комнаты:

— Ласка, что там?

— Забирают.

*Где рюкзак? Ща вещи покидаю и двину на попутке.*

— Возьми денежку. — Мама протягивает пачку тысячных. — С полочки ещё вышлю.

*Угу. В город к пацанам, сныкаюсь. Пару дней и дальше. Дальше. В пустую деревню, заброшенный дом. Там зима... Да не успокоятся, ты чё им, веришь?*

— Других мальчишек тоже? — Бабушка протискивается в Кисёнкину комнату, садится на диван.

*Тоже. Суки. Всех.*

— Готов?

*Угу.*

— Пойдём, — мама берёт за руку, — Докторишка едет в город, — тащит в свою комнату, — он тебя довезёт, — закрывает дверь. — Только надо... — открывает шкаф, начинает шариться.

Вытащит платье, мельком глянет, отшвырнёт: «Не то», ещё одно — «Нет, нет». Хвать свитер:

— Ну-ка встань, — прикладывает к сыновьим плечам. — Ага.

Снова к шкафу:

— И... — вытягивает юбку. С серебряными ниточками такую, по щиколотку. Её новогодняя. — Надевай.

*Чё?*

— Надевай, — настаивает, — на джинсы.

И убегает.

*Чё за тупость? Мам, слышь, объясни?*

Возвращается, кивает:

— Джинсы в бабушкины сапоги заправишь, — протягивает сапоги, что у неё, что у меня сорок второй, — платочек на голову повяжешь, — задумывается... — Куртка.

*Пуховик надену.*

— С капюшоном? Длинный?

*Угу.*

— Тогда капюшон на голову, чтоб никто не узнал.

*Вечером пойду.*

— Сейчас. Он через полчаса на дежурство. Всё, одевайся.

*Ща бабушку поцелую, совсем плохая. Да не крести, я не верующий, не хнычь — нормально. Мам? Да туго, дай сам. Давай без платка? Да тёплый, тёплый, нет, не очокурюсь. Новую симку куплю и позвоню. Всё, дай обниму. В любую деревню. Не найдут. Куда ты мне губы мажешь?!*

— Чтоб на женщину похоже, — толкает за порог, в перепрыгивающую две ступеньки спину крестит. — Всё, беги.

Докторишкин дом — осыпающаяся жёлтая двухэтажка через два дома от бабушкиного, у подъезда припаркована красная «копейка», дворик: сырая песочница, косая ржавая горка, голая берёза. *О, и быдланы в камуфляже убухиваются. Эти завтра первыми у автобуса в военкомат.*

— Сударыня? — Краснощёкий быдлан машет Кисёнку полупустой бутылкой пива.

*Отвернись. Отвернись.*

— Не хотите хорошо провести вечер?

*Не хотите.*

— Сударыня? — пошатываясь, встаёт.

*Не подходи, сука, Докторишка, спускайся, ну! Полчаса прошло, где застрял, быстрее, отвернись.*

— Компания самая приятная — защитники Отечества!

*Не смотри, ну споткнись да уйди, чё ты трогаешь, сука, уйди.*

— Мужики, слышь? — Краснощёкий срывает платок с Кисёнкиной головы. — Это чё бля за?.. Ну-ка стой! — хватить за рюкзак. — Куда побежало?! — сипит в ухо.

*Сука, отпусти!*

— Э?! — орёт своим. — Гляньте, чё!

*Не надо, нет! Побросав бутылки, бешеные щерятся, прыжками до Краснощёкого. Рюкзак стаскивают. Пожалуйста!*

*Дёрг за шею, валят на землю, ботинками в грудь, в спину, руки давят.*

*Не надо! Ай, больно!*

**продолжайте жить, Ласка**

Ласка упёрлась коленями в серые доски, заледеневшими пальцами топит грубую жёлтую ткань в ледяной воде. *Мамочка, вот ты новые простыни не жаловала – тебе всё старыми застилать надо было. «Ласка, — бурчала, — зачем синтетику в дом тащишь?» А вот, мамочка, не тащила бы, сейчас самой застилаться нечем было бы. Всего-то три денёчка поворочаться.*

Остались после Ласкиной мамочки две простыни: остальные насквозь кровью изляпаны — и на тряпки людям не отдашь. *Выбросила, а чего делать? Эти простирну, чтоб посвежее выглядели, да как покрывалом два гроба прикрою. Холодно им в промёрзшей земле лежать. А так накину, и в тепле будут.*

Ласка сыплет порошок на мокрые простыни и принимается растирать руками ткань. *Хорошо, прости Господи, в один день отхороню. Маму — с отложенных, она с пенсии хорошо накопила, Кисёнка с бюджета обещали, они там что-то выделили для таких вот. Втягивает ноздрями колючий холод, грубой ладонью со лба убирает дурацкую чёлку и стаскивает простынь в воду. А не успеют выплатить, с мамочкиных похороню, у неё там на всех хватит. И на мамочку, и на Кисёнка, и на Ласку.*

Родственников у неё не осталось, вот и доверила Докторишке: я, как поминки кончатся, приберусь, посуду помою, переодеваться не буду, побегу на речку.

— Зачем? — нахмурился Докторишка.

— Топиться, — улыбнулась Ласка.

*Вы потом в квартиру зайдите, я там карточку на столе на кухне оставлю. Мне полчка придёт, вы её снимите, пин-код напишу, и за мои похороны доплатите. Там бумажка с телефоном рядом будет кому. Останется ещё тыщ восемь, вы их на своё усмотрение. Поминок не надо, так, на могилке водочки за меня — и хватит.*

— Нет, вы, пожалуйста, дурью не майтесь, — дёрнулся к ней Докторишка, — ну кто ж виноват, что вот так...

*По льду аккуратненько пройду до серёдки, там попрыгаю. Нет, так, наверное, не пробьёшь, топор брать надо. Ласка вытягивает из воды простынь, бросает на доски, ледяными пальцами шкрябает в пустые карманы куртки — сейчас погрееет немного и вторую простынь споласкивать. Камней по карманам, чтоб на дно, а не по течению потащило, в сапоги. Или в колготки, а сапоги сниму?*

— Вы продолжайте жить, Ласка! — взмолился Докторишка. — Вас в больнице все так любят.

*Провалюсь, что почувствую: холод, боль? Сразу? Дыхание задерживать? Водой буду давиться? Ласка закрывает глаза. Вдруг всплывать начну? А течением унесёт, где найдут? Из-за леса, слышит, набирает силу гул — это самолёт новых мальчишек уносит. Взамен принесёт запечатанных в цинке. И так уносить-приносить-уносить-приносить, пока мальчишки не закончатся.*

С мамочкой попрощалась, а на кашлицу вместо Кисёнкиного лица взглянуть не осмелилась, крышку гроба поцеловала, перекрестила и простынкой укрыла. *Спи, мой мальчик, спи крепко.*

Самолёт проплывает над головой низко-низко, сливается с горьким воем и треском льда — Ласка размахивает топором как придётся, кривит болью изорванного сердца слюнявый рот, под собой лёд рубит — поскорей бы в воду свалиться.

### **простите, пожалуйста**

*Так, руки. Левая вдоль тела была, правая на груди — хваталась, наверное, в судороге, как без воздуха осталась — воды нахлебалась. Лицо вздутое, теперь навечно в гримасе ора. Волосы собраны в хвостик. Одежда: тёмно-синяя куртка с искусственным мехом на капюшоне, чёрная юбка в пол, сапоги на маленьком каблучке, шапочка вязаная чёрная.*

Докторишка откладывает листок в клеточку с наброском Ласки-утопленницы, встаёт из-за стола, потирая уставшие глаза, подходит к окну.

*Ласка, Ласка... Вздыхает. Я выбежал за ними, как увидел, потащили вашего мальчика, за ними рванул. Сначала ногами колошматили, он плакал, потом с земли подняли, отряхнули и повели.*

Докторишка отворачивается к шкафу. Раньше в нём мама книги хранила, а как пить начала — распродала. Докторишка в нём устроил алтарь: сидят, бегают, спят на полках глиняные детки, — кто от чего за всю его практику глупо помер, — прячется от удара ножом в грудь мама, под грязной от крови и испражнений простышкой кричит от боли бабушка. Правой рукой крестит своего Кисёнка, он рядом стоит. В маминой юбке, — не помню, чёрная, что ли, была, а может, коричневая, — в пуховике, хотя сентябрь тёплый выдался, — мех на капюшоне как похоже сделал, — на голове платочек. Краснощёкий — Докторишкин сосед — тогда платочек с головы Кисёнка-то сорвал и давай рычать, мотать из стороны в сторону парнишку. А я как выбежал посмотреть, куда быдланы вашего мальчишку тащат, платочек-то с земли поднял и сохранил.

*Они его, Ласка, в автобус уволокли. Не я его в город увёз, простите, Ласка, соврал. Я как за ними побежал, что увидел: они вашего мальчика на ночь к гаражам потащили, у Краснощёкого тесть — водитель того автобуса для мобилизованных, — чтобы утром, «как нормальный мужик, со всеми Родину защищать».*

Глиняный Кисёнок подрагивает в руках Докторишки. Я дурак, предложил тебя женщиной одеть, думал, внимания не обратят, увезу спокойно в город, дальше ты сам. И вот как... Испугался, думал, изворишься, убежишь.

Докторишка достаёт из кармана Ласкину помаду, — ту, которой она Кисёнка напоследок мазанула, — подкрашивает холодные мальчишечьи губки. В снегу нашёл. С ваших с бабушкой похорон едва сутки прошли, она топиться пошла. Хотела день в день, а на поминках разрыдалась, ноги-руки не слушались, я ей успокоительное вколол и спать уложил. Ночь просидел, утром к себе пошёл переодеться, помыться, возвращаюсь — нет Ласки. Я на озеро, а она уже.

Простите меня, пожалуйста. Вздыхает Докторишка и возвращает Кисёнка на полку к бабушке. Садится за стол, распаковывает брикет глины на утопленницу. Простите.

**Ася Михеева**

Когда тени ползут в противоположную сторону, майская ночь длиннее  
апрельской, что можно сказать, обернувшись назад? Слышны ли мои слова вам,  
на Этом Свете?

Далеко далеко на юге беглая старая орчиха  
радуется хиджабам  
(Никто не видит клыков и зелёной кожи, удобно)  
Кланяется в пояс всем прохожим  
Тащит за собой весь выводок мелкого орченья  
Расчесывает дочерям нежные светлые волосы  
Странно, у неё самой они выпали все вместе с молочными зубами  
А у детей растут и растут  
А клыки не растут, витаминов не хватает что ли  
Ох чужбина чужбина  
Сын просит купить ему флейту,  
Надо как-то накопить  
Надо больше работать

...

### Та песня

На улице был мороз  
Такой что дохли вороны  
Он пришел в мой дом, осторожно вынул гитару и дал ей согреться  
Пока мы пили чай, он сказал  
Что песня ему приснилась  
Что он не знает как быть  
Что это больше него  
Его унты стояли у входа  
С шапки слезинками таял снег

Он не видел меня, он слушал гитару, подтягивал струны  
Песня плескалась в нем, звенела и билась внутри об ребра.

Песня о городе, в котором увиты цветами  
Балконы до пятого этажа  
Где из кованых решеток сплетаются лица фавнов  
Где луноглазые девочки в гриндерах и коротких шортах  
Где выходя покурить на балкон ты видишь за срезом соседнего дома  
Лайнер, пришедший вчера из Монтевидео  
Где крошечная собачка тяжело дышит, лежа в тени

Где цветы размером с ладонь падают на спящего босого бомжа  
А рядом с бомжом стоит недопитый кофе и половинка пиццы  
Где прекрасная леди сидит за столом  
Стоящим прямо на тротуаре  
И ее белоснежные волосы перебирает пассат  
А ее собеседник прячет улыбку в затылку  
Сегодня у них все срастется.

Он говорил мне, слушай, да я же все понимаю  
Этого города нет. Я его просто придумал  
Но почему мне так больно  
Почему мне, сестра, так больно  
Он надел дубленку и шапку, намотал до глаз арафатку  
Бережно взял гитару и ушел в морозную темень.

Сейчас я иду по Сан Тельмо  
И не знаю, что делать дальше  
Братишка, нас обманули  
Сан Тельмо был все это время  
Сан Тельмо ждал все это время  
На том углу где ты должен  
Играть эту — и другие песни  
Все еще никто не садится  
Это место ждет  
И люди его уважают

Я иду по Сан Тельмо, Дюха,  
И не знаю что делать дальше  
Дело было в конце девяностых  
Стоит ли теперь тебе знать об этом  
Стоит ли говорить тебе

Ты давно не поешь ту песню.

...

На острове Буян, у костра, меня укусил клещ.  
Я оплакивала умерший брак, это небыстрое дело.  
Право сидеть на границе света и мифа зачётная вещь  
Если не помнить, что ветер с той стороны свободно касается тела.

Остров Буян подмывают воды Оби  
И намывают с другой стороны, где он обрастает берёзой.  
Драккар, плывущий на север, а ты не зевай, не рыдай, гребни  
А то твой огонь иссохнет и ляжет листвой, не дожидаясь морозов

Когда этот остров входит в Обскую губу  
Гребцы опускают весла, встают на скамьях и смотрят на небо — оно раскрыто  
Зелёные полосы маркируют обратный вход, алюминиевую трубу  
Туда, где придёшь домой, перехватишь пожрать и бегом в поликлинику ставить  
прививку от энцефалита

...

(соавтор: Иржи Вальдр)

В Авалоне сегодня дождь  
Теплее моих ладоней  
В электричке кондиционер  
Пахнет яблоком, розовым на изломе  
Дети за длинным столом  
Пар взлетает и стоит над домом  
Матэ, болдо, ройбуш, дихестив?  
Вода в стране мертвых, которых помнят,  
Даже в кране легка и светла на вкус  
Радикально иной чем любые вести  
Даже думать об этом нельзя но я обернусь  
Как вы вынесли этот год, живые  
Первый год Фимбулвинтер

Гік яцет ін інсула Авалонія. Дощить.  
Твої теплі долоні пахнуть ірландським віскі.  
Залізна собака містить кондиціонер із ароматом  
Рожевої пепенки.

Довгий ослін - для дітей з усієї родини.  
Пара парує, лишається над димарем...  
М'ята, чебрець, материнка, ромашка?  
Агуа ен естада де морто ке меморандо  
Що навіть в крані здається нічо так на смак,  
Und alternative zum Volkischer Beobachter,  
Однак не можна то мысли ажно ми повротим  
Як ми його пережили, сестро, цей рік?  
Та тому що  
Живі.  
Навіть у  
Raghd'n'a'Roque

### **Елена Королькова**

У нас умерла кошка. Это было так больно и страшно, что я напрочь забыла о войне. Мы с мужем закопали её в лесу ночью, в темноте и холоде. Земля не поддавалась. Лопату нам помогла найти незнакомая соседка по подъезду и, пожалуй, это был самый тёплый, человечный, мощный поступок, что я помню. Не так-то просто найти лопату в Москве поздно вечером. Мы все вымазались в глине. *Неужели, может быть что-то страшнее?* Думала я, сидя на корточках в темноте, пока муж копал. И я вспомнила женщину, которая закопала свою дочь и внуку, погибших от удара снаряда, во дворе пятиэтажки. Потому что добраться до кладбища под обстрелами было невозможно. Легче мне не стало.



## Дневник жены

Каждого встречного мужчину оцениваю: этот слишком стар, этот не служил, этот не годен, этот ещё учится, вон какое лицо беззаботное, этот..? И снова, как бисер про себя перебираю всех, кого знаю; этот слишком стар, этот не годен, у этого пятеро детей, у этого инвалидность, этот воевал в Чечне во время срочной службы... Расстались десять лет назад. Мне очень хочется сейчас ему написать, что я его любила и помню до сих пор, что буду помнить до последнего дня, и буду всегда писать о нём. «Прости, что я про себя отмахнулась: «Это была не настоящая война, неизвестно ещё, может, в штабе отсиделся, а может на кухне, толстым вон каким вернулся из армии, фотка стоит на шкафу».

Написала в VK единственной приятельнице, что очень переживаю за мужа, хоть он и не годен по состоянию здоровья, но у него нет ни одного документа на руках: никогда не думали, что они могут понадобиться, муж не хотел и говорить о болезни, не хотел иметь при себе эти бумаги. Он не хотел болеть. Когда-то ему

очень нравилось в армии, нравился режим, задачи, необходимость преодолевать себя. Приятельница ничего не ответила. Боится, что переписку вычислят и её загребут. А больше мне некому написать. Мама сказала: «Никуда не денется, пойдёт воевать, за уклонение 10 лет тюрьмы». Я ей говорю: «А что лучше?» Молчит удивлённо. Неужели можно сравнивать? «Там ведь не сразу на войну отправляют, сначала месяца три учат». А ну это меняет дело.

Внутри у меня ядерный взрыв. Впервые мне пришла в голову мысль, что пропаганда может быть не только со стороны государственной власти. Эти пугающие сообщения о том, что людей будут останавливать посреди города и вручать им повестки... Я умоляю мужа не выходить из дома, до той поры, пока ему не выдадут справки. Он всё время молчит.

Спрашиваю у него: «Олег тебе писал?». «Писал». «Что говорит? Боится?». «Мы об этом не говорили». Как можно не говорить об этом с лучшим другом? Мне не оказаться на месте его друга, абсолютно здорового парня, с которым муж служил когда-то. Возможно, писать об этом он не хочет и не может. А, может, боится, как моя приятельница. «Как дела?» «Всё хорошо. Приболел. Погода дождливая. А так всё хорошо».

Двоюродный брат звонит мужу, чтобы сорваться на него. «На войну пойдёшь?» спрашивает, прекрасно зная, что мужа не могут взять на войну. Муж потом ходит в растерянности и не понимает. Его разрывает на части: Война, и стыдно быть трусом. Ложь, обман, подлость, и нужно бежать. Бежать в больницу, просить выдать выписку из истории болезни. Я ему говорю: «Будешь носить всегда с собой». Он не хочет. Ему неприятно прикрываться болезнью, ещё и брат двоюродный, чёртов ублюдок. Сам уверен, видимо, что до него руки не дотянутся. Какой там у него козырь в рукаве?

Муж взял и ушёл с утра на прогулку, попить кофе в ТЦ. Я осталась одна, звонить в больницу, узнавать, как получить выписку. Муж так долго не возвращался, и мне всё мерещилось, что его схватили, куда-то увезли. Мне некому позвонить. Даже он не говорит со мной.

Иногда я лежу без сна, пока муж сопит рядом, и мечтаю о том, как обниму того парня и мне станет легче. С ним всегда было легко. Я и про то, что он был на войне, узнала уже после того, как мы расстались. Он никогда меня не грузил своими проблемами. Только посмотрит так пристально-пристально, тихо, будто погладит, и любая боль проходит, любой страх. Не знаю, где он сейчас и с кем.

Мысли о нём помогают мне вынести это совершенно одинокое барахтанье в кошмаре.

В этот, пожалуй, самый страшный день в моей жизни мы с мужем поехали на другой конец города в больницу, чтобы получить-таки грёбаную выписку. Муж всегда очень быстро ходит, я начинаю задыхаться через какое-то время, прилаживаясь к его шагу. Теперь он шёл на два шага позади меня. Он не может пойти на войну, и он не уверен, что сможет пережить психологическое давление и угрызения совести от того, что, например, его лучшего друга отправят на войну, а он останется в тёплой московской квартирке с кошками пить сок яблоко-груша из Вкусвилла и смотреть передачи по Культуре. Он очень любит слушать оперу.

Я все смотрела и смотрела на мужчин на улице. Вот пятеро вышли с работы кучкой, пожимают друг другу руки, солидно одеты, с дипломатами. Сейчас кто домой, кто в бар по пиву. Лица у всех спокойные и свободные.

Нам сказали, что выписку из истории болезни выдадут в течение 30 дней, но возможно раньше, сказали ждать звонка.

Мы вышли из больницы, взяли кофе. Две недели назад я купила билеты в театр. Я зашла вчера по кнопке «купить билет» и увидела, что почти весь зал будет полон. А у нас билеты на первом ряду. Мне стало неловко, когда я представила два пустых места в первом ряду в центре, и я решила идти в театр.

Перед началом спектакля зрители галдят, как обычно, говорят о чём-то таком обыденном, о спорах с соседями, о ремонте, о квартплате. Мы смотрим «Господа Головлёвы». Постановка мне не нравится. Но я внимательно слежу за актёрами и тем, как режиссёр интерпретирует литературное произведение. И на три часа напрочь забываю о мобилизации. Я выхожу из театра и понимаю, что три часа меня не было в этом душном страшном мире. И я благодарна. Вечер удивительно тёплый и сухой. Листья шуршат под ногами, как в самую обычную осень. Мы идём до метро, и я говорю мужу, что мне кажется, повесть не о вине одного человека за смерть всех близких, а о вине общества за деградацию.

За два дня до объявления мобилизации я подала заявку на обучение в литературной мастерской любимой писательницы и записалась на собеседование. Сейчас я постоянно думаю, продолжить мне или отказаться от участия. Я не смогу. Я не смогу. Как я буду учиться писать в этом аду? А что, если это и есть моя задача? Смочь. Несколько раз я начинала письмо куратору: «Сейчас не могу думать ни о чём, кроме ...» и удаляла. Обучение стоит немало.

Я могла бы не тратить эти деньги на учёбу, а помочь, например, сестре. Она сейчас живёт на берегу Чёрного моря в гараже с собачкой, которую приютила. Весной они с подругой покинули съёмную комнату в коммуналке в Питере, сдали вещи в камеру хранения и уехали на берег Чёрного моря в какой-то крохотный посёлок. Там они пытались заработать, сначала делали уборку в номерах гостиницы и им разрешили жить в подсобке, потом в их услугах перестали нуждаться, их кто-то пустил пожить в гараже. Сестра продавала в парке сувениры. Всё время витает в облаках. Говорит, что в Питер уже не вернётся, что не может больше работать столько, чтобы и за комнату платить и выживать. Но и к матери не вернётся, будет искать работу на каком-нибудь предприятии в области, хоть на той же птицефабрике, там и общежитие дают. И мне на минуту кажется, что нет ничего лучше, чем жить в общежитии птицефабрики и каждый день выходить на конвейер с курами. Отсюда это видится какой-то своеобразной свободой. Хорошо, что у сестры нет мужа. Хорошо, что у мамы нет сыновей.

Ночью словно древний ящур ползёт по земле, скребёт, грохочет, вынимает душу. Это всего лишь мусоровоз. Мне снится конец света; на нас надвигается облако пыли, пыль забивает нос, рот, дышать невозможно... Просыпаюсь и невыносимо хочу секса.

Психолог мне вчера сказала, возможно, я не хочу идти в литературную мастерскую, потому что у любимой писательницы нет ни мужа, ни сына, ни отца. Я боюсь, что она не «ответит» мне, как и та единственная моя приятельница, которая ещё на днях охотно писала мне про случайную связь в командировке после вина. А теперь молчит.

Из театра мы едем домой на метро. Я читаю рассказ Евгении Некрасовой. Никогда раньше не могла её читать, есть в ней что-то холодное, отстранённое, а сегодня весь день читаю её рассказы. В метро я не ездила уже год. Отвыкла. Рядом со мной сел парень. От него очень сильно пахло перегаром. Я не выношу этот запах, но я не отсела. Наверное, ему сейчас страшно и пусто, он выпил, потому что не знает другого способа успокоиться.

В сквере женщина гуляет с собакой. Собака, некогда мощная, крепкая, сильная, сейчас идёт с трудом. В какой-то момент она, как будто невзначай, ложится на траву, и не удерживает равновесия, падает на спину, виновато ловит взгляд хозяйки и пытается быстро встать. Мне, как и собаке, очень хочется упасть в траву и лежать.

На следующее утро муж идёт в магазин, я ему говорю «Не бери ни у кого ничего (повестку), и никому ничего не давай (паспорт)» С Богом. Говорю. И крещу его. Муж идёт в ТЦ, как на войну. Я сажусь написать этот текст, потому что я хочу сохранить память о нас, маленьких, слабых, испуганных, исчезающих.

Муж пишет в whatsapp:

«Может взять арбуз?»

За окном бесконечный дождь.

### Артём Арент

Страх и ненависть появились задолго до 2022 года. Я родился и жил в пределах Урала. 24 февраля я остался дома и весь день пил, (удивительно, что это было шампанское, а не водка, но в этом нет символизма) смотря новости, будто к земле летел астероид диаметром в 10 километров. Это был крепкий удар в затылок — первые погибшие и разрушения. Я улетел почти сразу, продав то немного, что было. В никуда и никем. Первые полгода я пил по-черному. Я стал в разы агрессивней по отношению к себе и тем, кто был рядом. Впервые бессознательно ушел в саморазрушение, не культивирования ради. Раньше я мог вести с собой диалоги, рефлексировать и крайне трезво, в чем я убежден, оценивать мир и себя в нем. Теперь я мало на что способен. Агрессия со временем вымывается и остается только звон в ушах. Я все еще слышу этот похмельный звон. За прошедший год, и только сейчас это окончательно догоняя, я прожил в ментальной комнате полной гниющих трупов, рваных кусков мяса. Я забыл как смотреть в небо. Что вообще есть земля и небо, какие-то простые и понятные вещи любой дворовой собаке, и исцеляющая душа поэзии. И спасибо за предлагаемую тему, что можно было (и еще долго придется) постучаться в свою берлогу и поздороваться с его жителем. Начать какой-никакой диалог.

\*\*\*

уставшие, потерянные,  
беспечные и немые.  
мы сами себя относительно  
ломанные кривые.  
трогаемся по звуку.  
волчи целуем пасти.  
тонущие посудыны.  
приученные по масти  
сны охранять медвежьи.  
чувствовать каннибала.  
последний нести валежник  
к царскому покрывалу.  
и каждый наш столп — несущий  
в бескрайней архитектуре.  
мы кости в холодной гуще  
военной литературы.

\*\*\*

в доме вдовы  
мёртвые уклонисты  
лежат небрежно как шпроты  
в металле своих страхов  
в температуре сорок один  
понижаются  
до температуры прямой кишки  
галдят на музыке ветра  
в полые трубочки шевелят  
птицей овсянкой  
в ключики и замочки  
в скисшей браге  
черноплодной рябины  
жужжат хороводами крыльев  
дискуссирующее безмогилье  
не оборачивайся, мой милый  
обходи эти волчи ягоды

## МОХ ВОДЫ

эти тропы вытоптаные  
в урочище россия  
там лежат кости веток  
завернутые в пуповину  
лежат пока их не призовут

\*\*\*

Куличик пасхальный военный  
Мы молимся в крестном шествии  
Чтобы дети наши не ссали  
Совесь матери отстоять перед соседками  
Перед директорами ИП, ООО  
На имя такого-то уважаемого  
Мой сын погиб за родину  
Повыстье зарплату роженице героя  
Позовите на телевидение, на приём к главнокомандующему  
Я воспитывала свою значимость  
Чтобы пить чай с кральками  
Среди вазочек и пиалок  
Благодарить царствование голого карлика  
Таракана  
Чтобы рожать смерть-многоножку  
Взбираться до звания матери-героини

\*\*\*

Аркадия отказывает в выдаче визы  
Высылает за пределы пунктирной линии  
За недостаточный внутренний анархизм  
За нежелание выйти под пушечный выстрел  
Возвращайтесь в свой магловский мир  
Аркадия знает кто раб кто бон  
Пиздуйте обратно в свои лесостепи  
Это известно было давно, люди с каркающим наречием  
Пуускают в наш город только с зерном  
Либо владельца футбольного клуба Челси

Аркадия город мечты и снов  
Последний рубеж римского права  
Прощает убийц как Иисус Христос  
И за развитие велотранспорта  
Пускает в свой дом торгашей и воров  
Но отказывает рабам  
В спасении и гражданстве  
Аркадия отказывает в выдаче виз  
Жители города делают ставки  
Кто из ворон уже не взлетит  
Кто будет до последнего грызть и каркать  
И орнитологи и бывшие птицы  
Всякие деятели и профессора  
Будут записывать умные выводы на бумагу  
Сочувственно поддакивать и вздыхать

\*\*\*

впасть в кому  
в нуклеосинтез  
в распад урана  
в вечное цукиями  
обрасти корками кордицепса  
только не говорить  
об этом  
не излагать мысли  
не выстраивать домик  
из покрывала и табуретки  
не аккрецировать в цемент тучи  
не лопнуть струной с треском  
всплыть к бортам лодки  
перед крутой излучиной  
протянуть к богу простую руку  
ни пытливым мозгом  
ни стопку бумаг с вопросами  
протянуть руку  
как бывает у обычного человека  
протянуть ее от ноготка до последней косточки

сложиться в просительные ладошки  
и ничего не брать  
ничего не брать  
не брать ничего  
у кого бы то ни было  
не просить помощи  
не просить прощения  
не склонять колени  
выйти из затхлого дома  
из сбора шалфея и корвалола  
выйти из чувства времени  
впасть в кому  
уйти в пропускную способность зеркала  
уйти в невесомость

\*\*\*

Инициативы  
Петиции  
Блогер\_ки  
Митинги и плакаты  
(не плакать,  
лучших не оставляют)  
книги Ремарка  
споры о новом флаге  
Визараны  
Сайты вакансий  
Тревожные чемоданы  
(в моем документы  
И небинарная кукла  
Сшитая на заказ)  
Ссоры с семьёй  
Мелаксен  
Сертралин  
Алкоголь и апатия  
бесплатные консультации  
(ты не беженец  
ты релокант)

Местные партизаны  
Дроны над городами  
Фейки, юнармия  
Списки расстрельных  
Яшин, Навальный, Фургал  
Буча  
Ирпень  
Изюм  
Я вспоминаю Беслан  
И стих Никонова  
(..ебаннные пидорасы  
ебучие пидоры)  
Дальше радиоктивный закат  
И первый подснежник  
Сорванный для еды  
Пыль с толченной пшеницей  
В ступке для оладий  
И человеческий жир  
Чтобы не пригорало к сковороде

### **Ольга Фатеева**

Пальто моё не белое, а из камня, из железа и досок. На жёсткую ткань налип чей-то здешний безбомбовый прах. Время работает, и его работа сдирает сигнальные флажки, хотя мы продолжаем бубнить, как против и как страдаем, а это ясно без слов. На моём столе труп текста, не труп войны. Кто-то должен изрезать его и закопать. Значит, это буду я. Я слежу за миром, попутно собирая аффекты, которые подключают меня к живым. Мир большой, и нам всем трудно.



## Неисполнимые moralia

Сегодня я доставала чемодан с балкона, чтобы лететь в Челябинск. Мама сломала руку, и я поеду ей немного помочь с бытом. Неожиданно чемодан оказался очень тяжёлым, и я чуть не упала с приставной лестницы вместе с ним. Внутри лежали банки. Всё моё детство бабушка и мама делали заготовки на зиму. Бабушка умерла, мама продолжала одна и привозила нам в Москву. В прошлом году мамина депрессия, бывшая всегда, обострилась настолько, что она перестала работать в саду, а в этом продала его. Они консервировали из выращенных овощей/ягод и чуть-чуть докупали. Значит, банки лежат уже три года.

Прежняя жизнь заканчивается, отваливается по кускам, и про каждый фрагмент я вспоминаю, как думала тогда: а что, если когда-то это прекратится. И ещё один вариант: если когда-то не произойдёт того, на что рассчитываешь и что принимаешь как отдалённое, но неизбежно возможное. Или того хуже, наоборот, произойдёт.

На Академике читаю из словаря Ушакова про «если», примеряю толкования к заданным в Школе литературных практик формулировкам. Я люблю писать по заданиям и думать о них. Сравниваю два вопроса: что, если всё, мной написанное, никто никогда не прочтёт? И — что, если завтра кончится война? Война идёт тысячу лет ©. Я в начале, но знаю, например, чем закончился путь стеклянных полутора- и литровых банок [это самый дефицитный объём, очень удобно на маленькую семью, чтобы не испортились, у нас всегда маленькая семья] — и, признаться себе, всегда знала.

Может ли быть письмо таким же важным, как война, если я объединяю эти вопросы? Зимой в старом трёхстворчатом окне моего дома далеко видно пространство, пустые кроны освободили его, расширили. Мне видно дома, брошенную котельную, труба которой архитектурно доминирует над кварталом, детсад и социальный центр. Все забелены снегом. Свет фонарей, и других окон, и полная широкая луна, стоящая напротив, приподнимают строения, отпускают их, и они плывут слоями вместе с воздухом. Ко мне заходит безответственная гулкая пустота, я обхожу её по краю. Парящим зданиям всё равно, здесь я или нет. Неважно, прочитают мою книгу и перестанут ли завтра взрывать и стрелять по приказам. Я приписываю пустоте безразличие, которое успокаивает меня.

Война не здесь и не со мной, везде, и я упражняюсь, когда иду по городу. Представляю, как разлетаются кирпичи, шуба, степлер, ножницы, корнцанг, рисовая каша, крошки штукатурки, острые опилки деревянных перекрытий, красные и синие рыбы из аквариума, ставшие блёклыми без специальных цветных ламп. Меняю расстояние, и на глаз прикидываю размеры осколков. Кажется, сюда подходит значение б: союз *если* в восклицательном предложении с частицей бы «для выражения неисполнимого желания» — *если бы он был жив!*

Если бы он был жив, я никогда не заставляла бы его читать мои тексты. Если завтра кончится война — и что? Я перестану писать?

Разбираю банки. Белые наклейки с маминым кудрявым почерком: Лечо 2019 г., Вишня с косточками, Солёные помидоры, Огурцы от т. Зои. Ужас войны вдали от неё абстрактен и циничен, и я спускаюсь в цинизм.

Первой реакцией после страха было ощущение лишённости, изъятия, немоты и безъязыкости. В буквальный смысл это переводилось обычным вопрошанием. Я бесконечно задавала вопросы. Нет, не так. Сразу знала ответ. Не прочтут. Пространство раскрывается навстречу, как ноги фигуристов, развёрнутые внутренней стороной бёдер, в мир. Если бы он был жив, я никогда не заставляла бы его читать мои тексты? Я и сейчас вольна не делать этого, пока все живы. На бёдрах крепятся все усилия тела.

Вынужденное, навязанное войной молчание, принятое сразу и целиком за своё, за единственно верное/вероятное/возможное, обозначает многое. Здесь культура как система знаков требует семиотических усилий, вывернутых наизнанку. Знаки немислимы вне контекста. Давайте составим список интерпретаций.

Я подхожу ближе к оконному проёму, надеясь повторить отстранённую пустоту. Требуется сочетание многих обстоятельств, места и времени. Глубже заглядываю за границу штор блэкаут — первый подступ к лиминальному пространству, роль которого выполняет балкон. Лиминальные пространства обычно незаметны, мы пересекаем их без рефлексии и осознания. Коридор больницы, подъезд, тоннель без людей, детская площадка в снегу до качелей. Балкон конечная цель, его не пройдёшь по пути, но это переход от частной закрытости к всеобщей видимости. Ещё не там, но уже не здесь. Ритуалы по вызову пустоты без сумерек не срабатывают.

Метафора хорошего текста, как полнотелого на вкус, пошла и затёрта, поэтому я пробую слова на осязание. Для этого достаточно перепечатать цитаты. Последовательность прогибов клавиш и рисунок прикосновений пальцев к дисплею формируют чувствительный контур. Набираю слова Адорно про стихи и Освенцим. Повторены, перевераны, многожды растолкованы. Покупаю *Minima moralia*, хотя там про другое, чтобы быть ближе. Фрагменты, составляющие книгу, ещё дроблю для чтения и возвращаюсь к началу.

Агнеш Хеллер обращается к Адорно в статье и перечисляет четыре вида молчания о Холокосте: «молчание бессмысленности, немота ужаса, молчание стыда и молчание сознания собственной вины». Холокост представляется кощунственной точкой сравнения. Хеллер даёт выход: описать ужасы всегда невозможно, потому что нет слов для их выражения, и Холокост уже есть воплощение метафоры, достаточной для работы воли и фантазии. Чтобы помыслить войну, хватает самого слова, семиотическая сила которого в пяти соединённых знаках заключает в себе названные молчания и все смыслы, загруженные культурой, миром, людьми и памятью. «Единожды произнеся слово “холокост”, человек цитирует метафору, которая сама по себе страшнее любого посвящённого ей повествования, стихотворения, картины, драматического или музыкального произведения». — Нужное подставить.

Парадоксально, но слишком очевидно: сила метафор «фактических», по Хеллер, не освобождает нас от метафор словесных. Не разрешает, но и не запрещает их использования. Не побуждает, но и не ограничивает автора. Где авторство трактуется широко.

Амбивалентность всех видов молчания, принятых за аксиому для этого текста, истощает больше, чем дидактическое высказывание Адорно.

Нас научили, что мир как минимум трёхмерен. Трёхмерность окружающего предстаёт как конститутивный признак и окружающего, и наученного способа восприятия. Мы привыкаем к объёму настолько, что спотыкаемся об измерения времени и осязание/обоняние/слух, мысленно каждый раз переводим многомерность в плоскость, уплощаем грани и вспоминаем о разнонаправленности осей координат, когда вдруг смотрим на натурально плоские картинки или поворачиваем с детской радостью голограммы.

Зимняя прореженность в окне позволила спуститься ноздреватым, хлопьевидным облакам ближе к дому, и привычный вид обрёл перспективу. Молчание стыда и вины, маленькой, личной, — и я везу мамины банки в переработку, ничего ей не говоря.

Безразличие уязвляет. Опустошение с написанным текстом ничего не меняет в окне и в чемодане. Равно как и его прочитанность и/или нет. Вместе с войной. «Когда окончится нынешняя война, о которой никто уже не в состоянии вспомнить, с чего она началась, то она, подобно Тридцатилетней войне, распадётся на отдельные бессвязные, разделённые паузами кампании...», — пишет Адорно, и это одна из фасеток в феминистской теории ситуативного знания Донны Харауэй. Провозглашаемая объективность как всевидящий взгляд свыше, божественный и недоступный, запирает нас в рамках навязываемой точки зрения. Но всякая точка зрения зависит от позиции, из которой высказывается, и объективность сильна в совместности и собирании множества частичных позиций, дополняющих друг друга, как фасетки в глазе мухи.

Ничего не изменится, если всё, мной написанное, никто никогда не прочтёт и если завтра кончится война. Если, конечно, вас не убьют. Потому что нельзя забыть и жить, как будто ничего не было.

## Интервью с Ольгой Фатеевой

**р\а\з\н\и\ц\ы.** Вот уже много лет смерть, в самом буквальном смысле, для вас банальная рутина, работа в офисе. Мы предполагаем (как читатели), что изначально любой судмедэксперт или патологоанатом ставит себе фаервол от реальности — это просто работа, просто материя.

Эта война как-то пробила этот фаервол? Было ли вам страшно рядом с трупом после 24.02?

**Ольга Фатеева.** страшно, нет, не страшно, именно страха не было. страх на работе рядом с трупами я испытала два раза, я писала об этом в книге, и это были авиакатастрофы — Сочи и Раменки. десятки тысяч останков вместо нескольких десятков пассажиров. тогда я перенесла как будто на себя этот страх из пассажирского кресла и мучилась вопросами: а они знали? они понимали, что происходит, перед тем как умереть и быть разодранными на бесформенные кусочки? и сколько длилось понимание?

были другие случаи, которые вызывали очень сильные эмоции и пробивали защиту, — обычно я старалась писать о них, чтобы справляться, конечно, без прямых указаний и имён, передавая эмоции. но страха не помню.

я работаю в обычном городском морге городского бюро судмедэкспертизы, тела с войны к нам не поступают, я их не вижу. было одно исключение: рабочие, приехавшие в Украину на оккупированные территории восстанавливать водопровод, пострадали от взрыва в общежитии и их доставили на лечение в Москву, а здесь в больницах они скончались, и мы вскрывали их тела. страха не было — было ощущение бесконечной боли, которую я перенесла на себя, пока описывала множественные, бесчисленные большие и мелкие рваные раны, ссадины, ожоги, сливавшиеся в единые поля. боль, горечь, ужас, отвращение — не страх.

но война всё равно покорёжила мои рабочие отношения со смертью. у Оксаны Тимофеевой в сборнике «Это не то» есть эссе про леопардовые штаны и палестинские территории за высокими бетонными стенами, куда надо пробираться через КПП. она пишет о понятии мирных жителей и понятии тыла. война идёт по всему миру, там или здесь, где-то ещё, и воюющих очагов очень много, просто мы про них не знаем, и линия фронта как будто есть всегда, она сдвигается, так что практически любой житель земли рано или поздно оказывается в тылу тем самым мирным жителем, ближе или дальше от боевых действий. это очень упрощённая интерпретация и вольный пересказ, но меня эта мысль достала именно в таком варианте: всем людям потенциально угрожает смерть на войне или рядом с ней. в этом смысле для меня сразу обнаружилось словосочетание мирная смерть. и здесь работа с сарказмом подкинула историю:

молодой мужчина, лет двадцать, беженец из Донбасса с новым российским паспортом, умер от черепно-мозговой травмы, упав с электросамоката. сбежав от войны. от этого выверта мне не по себе.

**р\** Да, у судьбы своеобразное чувство юмора. Значит, система устроена так, что боевая смерть и гражданская смерть никак не пересекаются в плане контроля и учёта, за них отвечают разные ведомства? Даже если бы вы работали в Ростове-на-Дону или Белгороде, грузы 200 вам бы не доставляли перед отправкой по месту регистрации?

**О.Ф.** хочется ответить коротко да или нет, но придётся отвечать честно — не знаю, а не знаю требует пояснения. моя работа регулируется на нескольких уровнях: федеральными законами, которые вроде как должны работать на территории всей страны, а ещё приказами министерства здравоохранения и локальными нормативными актами организации. и между всеми этими распоряжениями существуют юридические коллизии, где положения разных документов противоречат друг другу. федеральные законы часто размыты, многое отдано на откуп местных служб, поэтому одни и те же процессы бывают организованы в разных городах и областях нашей очень большой страны по-разному. в Москве много моргов и есть отдельная военная экспертиза, в Санкт-Петербурге один судебно-медицинский морг на весь город, просто так устроили. такой же проект был и для Москвы, но пока всё же есть понимание, что заставлять родных и полицию со всей Москвы ездить в одно место негуманно. в городе поменьше судебно-медицинского морга вообще может не быть, тела перед похоронами хранятся в холодильниках больничного морга или специального прощального дома, а трупы, требующие именно судебно-медицинской экспертизы, увозят в областной центр. где при этом будут размещаться грузы-200 именно из зон боевых действий — где-то будут размещаться. кстати, грузами-200 называют не только цинковые гробы с войны, это любые перевозки тел умерших.

военная статистика смертности, насколько я могу судить, гражданским недоступна. статистика самая точная и самая лукавая наука. медицинская статистика устроена таким образом, что любой врач на месте, выписывающий медицинское свидетельство о смерти, а именно по этим свидетельствам потом идёт учёт, может жонглировать и манипулировать специальными кодами для обозначения причин и обстоятельств наступления смерти. если совсем коротко: не зная подробно обстоятельств смерти, вы выбираете код, под который попадает максимально широкое и всеобъемлющее описание — например, травма тупым предметом с неопределёнными намерениями, хотя к травмам тупыми предметами относятся и падения, и ДТП, и убийства, и самоубийства. этот выбор бывает объективен, — у вас действительно нет никаких данных, тело

обнаружено на улице с травмами, всё. иногда такими формулировками можно воспользоваться, чтобы скрыть подробности. разные коды пойдут в разные графы статистической учётности. и мне ужасно интересно, как будут выглядеть данные Росстата о смертности за прошлый год.

**р\** Это очень интересная информация. Выходит, родственники получают в лучшем случае гробы, хоронят их, и это попадает в статистику ведущих учёт СМИ (там до сих пор смехотворные цифры порядка 50т.), но даже этих полученных и похороненных нет в реестре Росстата? То есть там бабушка сказала, что её внучка надвое, или эти 50т. как раз попали в какие-то нормативные базы и поэтому журналисты имеют право говорить, что такой-то имярек официальная потеря?

**О.Ф.** боюсь, что про журналистов я ничего не знаю и сказать не могу. факт смерти официально подтверждается медицинским свидетельством о смерти, которое выдаёт медицинский работник, имеющий на это право. вместо медицинского свидетельства родные в ЗАГСе или МФЦ получают гербовое свидетельство о смерти, когда смерть регистрируется государством, о чём делается запись, как о рождении и вступлении в брак. если родных нет, хоронить некому, тело хоронят за государственный счёт, и так же составляется запись акта гражданского состояния. просто данные Росстата за предыдущий год целиком появляются на сайте далеко не сразу, не в начале следующего года. с одной стороны, это связано с объективными трудностями, точнее, с самой процедурой сбора данных, а с другой, возможно, это какая-то ригидность и неповоротливость системы. конечно, статистику за год нельзя обновить 1 января нового года. судмедэксперты, например, вскрыв тело, выдают окончательный документ о вскрытии только примерно через месяц, когда получают результаты необходимых дополнительных лабораторных исследований. разумеется, родные забирают медицинское свидетельство о смерти в день вскрытия и могут хоронить покойного, тела не лежат месяцами. в свидетельстве написана причина смерти и внешние обстоятельства для насильственной смерти, но если эксперт сомневается, или у него несколько вариантов диагнозов, или нужно что-то уточнить, в справке пишется «причина смерти устанавливается». это справка предварительная, родным её достаточно для похорон, а эксперт, получив все анализы, формулирует окончательный диагноз и выдаёт справку взамен предварительной, где указана конкретная причина смерти, но этот документ родственники не получают, он идёт в статистику. родные, естественно, в полиции могут ознакомиться с актом исследования трупа, где увидят диагноз и выводы о причинах смерти, это не останется для них тайной. получается, только с начала февраля примерно собираются данные о смертности в каждом учреждении, кто этим занимается, а затем они собираются по городам, регионам и, в конце концов, в масштабах всей страны. их нужно обработать, а не просто механически сложить, это требует времени, поэтому на сайте данные появляются позже.

как будет отражена смертность на войне в этих данных вообще непонятно. Росстат публикует таблицу числа умерших по причинам смерти, в таблице указаны внешние факторы, то есть ДТП, убийства, самоубийства, отравления, падения, огнестрельные повреждения и т. п. Будут ли там указаны «боевые действия» или что-то подобное — посмотрим. или эти смерти, или их какая-то часть попадут в «прочие повреждения».

на сайте опубликована таблица с распределением умерших по основным классам причин смерти за 2022 год: там есть новообразования, болезни органов кровообращения, инфекционные болезни и т. п. без конкретики, и есть отдельный столбец “внешние причины”, именно в эту графу должны входить боевые потери. за позапрошлый 21-ый год две таблицы: обобщённая по классам причин, и с подробными данными о числе умерших не просто по классам, а именно по причинам смерти, где указаны конкретные диагнозы и причины, и внешние причины тоже, в том числе там есть несчастные случаи, утопления, повешения, огнестрельные повреждения, убийства, ДТП, ожоги и т. д. но я не нашла там никаких упоминаний о смертях от “повреждений в результате военных действий”, а ведь они наверняка были, при этом есть строка “повреждения с неопределёнными намерениями”, о которых я говорила выше. посмотрим, появится ли такая же подробная расшифровка по причинам смерти за 2022 год.

p\ Судя по тому, как благотворно война подействовала на экономику россии, — безработица ещё никогда не была такой низкой, а сокращение малоимущих таким беспрецедентным, — у «прочих повреждений» есть все шансы пополнить позитивную статистику.

Бюрократия смерти души большую часть истории цивилизации преобладала над бюрократией смерти тела, и последняя зачастую сопутствовала первой. Сказать, что теперь всё наоборот было бы троллингом, т.к. концепцию души мы немного того... Но, всё же, нет ли у вас чувства, что ваша профессия по-прежнему сакральна, что вы агент под прикрытием?

**О.Ф.** чувство сакральности моей профессии держало меня в первые годы работы. я буквально ощущала себя не такой как все, причастной к тайне, хотя не смогла бы чётко сформулировать к какой. я с удовольствием рассказывала истории из практики — не смешные происшествия и не очень жуткие или запутанные случаи, хотя и такие были, а обыденные, бытовые подробности из жизни судмедэкспертов, но с выражением значимости, исполненная величия. постепенно с опытом я перестала раздуваться от экзистенциальной инаковости своей работы, поняла, что возможности судебно-медицинской экспертизы ограничены, хотя эта идея не популярна, верить во всемогущество куда проще. сейчас есть соблазн заявлять о сакральности и избранности, когда ты обладаешь умениями и навыками, которые можно посчитать уникальными, и имеешь доступ к информации, для разыскания которой нужно приложить усилия,

но это, как мне кажется, исключительность именно бюрократическая, надуманная, надстроенная. основа надстройки проста — умирает человек, все мы смертны ©, задача — похоронить умершего, как того хотел сам умерший при жизни, или хотят родные, как положено по обычаям и т. д. здесь тоже всё вроде просто и понятно. но в современном мире процедура прощания, как и рождения, и вступления в брак, обросла многими бюрократическими подробностями, в решении которых участвую и я как судебно-медицинский эксперт. и в этой позиции появляется искусственная сакральность: я могу, а вы нет. это проявление власти, которое маскируют связью с потусторонним. власть над телом.

тело одновременно органическая данность и сложный концепт на пересечении многих областей знаний. люди пытались — и продолжают пытаться — совершенствовать его, выходить за пределы, исследуют его возможности и наконец научились управлять некоторыми функциями, присвоили себе контроль: над болезнями, старостью, продолжительностью жизни, болью, видом тела.

смерть как предельная реализация телесного противоречит многим достижениям научно-технического прогресса и требует переизобретения тела, удобного не только при жизни, но и в смерти. современное умирание — сложный высокотехнологический процесс, подчиняющий тело аппаратам, которые могут поддерживать проявления жизни очень долго. как будто это новый виток сакральности.

p\ То есть вы думаете, что прежде сакральность не была искусственной, что бальзамировщики не "дурили народ"?

Про новый её виток удивительно — получается, сакральное сместилось из посмертия в предсмертие?

Извините за два вопроса в одном.

**О.Ф.** мне хочется думать, что когда-то в это правда верили, мне так спокойнее и уютнее, это моя личная картина мира. да и сейчас, если оборвать шелуху снаружи, я думаю, сакральность никуда не исчезает/не исчезла, просто как будто крепнут иллюзии, что сменой жизни и смерти можно — хотя бы частично — управлять, поэтому, с одной стороны, внешний цинизм и пренебрежение должны показать эту «продвинутость», а с другой — по-моему, маскируют прежний страх и «сакральное» отношение. я высказываюсь на уровне очень широких обобщений, поэтому стараюсь обходиться без «мы», и прошу не принимать мои рассуждения за единственную максиму. скажем так, это обобщённый опыт моих чувствований в связи с работой.

про смещение. изобретение реанимационных мероприятий расшатало границу между жизнью и смертью.

кажется, всё было довольно понятно: перестал дышать — умер, сердце перестало биться — умер. а дальше усложняем. больше приборов и высоких технологий. кардиомониторы, чтобы фиксировать сердечный ритм, искусственная вентиляция лёгких с заданной частотой дыхательных движений, непрямой массаж сердца автоматическим устройством, даже не руками, поддержание гемодинамики специальными препаратами и наконец — процедура констатации смерти с помощью установления смерти мозга, когда за пациента дышит аппарат, а сердце сокращается благодаря лекарствам. кто это? живой или мёртвый? человек в длительной коме, в вегетативном состоянии — ещё живёт или уже умер? останавлиюсь с ответом здесь.

p\ Что ж, закончим совсем философским вопросом — нужна ли людям сакральность в принципе? Что станет с цивилизацией, если наука преодолевает смерть? (цифровизацией сознания или бесконечной реновацией тела, неважно)

**О.Ф.** в предыдущих ответах понятие сакральности вышло многозначным, с разными добавленными «кухонными» коннотациями, а этот вопрос выбивает из-под меня землю, меняет градус разговора и возвращает понятию сакрального высокий смысл. сложный, объёмный вопрос. трудно говорить за всё человечество, и я не люблю обобщения, хотя, конечно, пользуюсь ими. думаю, возможность веры во что-то большее, веры в любом изводе — в конкретного бога, в высшую силу, во множество богов, — нужна и может поддерживать. если следовать логике моего образования и моей специальности, кажется естественным противопоставлять сакральное и научное, но, по-моему, взаимоотношения знаний и веры не категоричны, а дополняют друг друга. косвенное забавное подтверждение — физики, химики, биологи, ставшие священниками. Лейбниц говорил, что небольшие глотки знания отвращают от бога, а погружение глубже снова возвращает к нему. я часто привожу пример из работы: вроде бы врачи изучают и знают механизмы развития болезней и наступления смерти, но почему в каждом случае наступает срыв именно тогда, когда наступает, почему люди с одинаковой интенсивностью одного заболевания живут разное время, почему кто-то дотягивает до глубокой старости, имея множество хронических болезней, а кому-то хватает первого и единственного проявления, чтобы умереть, — этого так и не знают. почему именно этот человек рождается в это время? про комбинации генетического материала учёные многое выяснили, но это, как я себе представляю, причина не первого, а второго, следующего порядка, а самую первую пока так и не удалось определить. почему кого-то сбивает машина, а кому-то пресловутый кирпич падает на голову? почему случайности складываются так, что именно этот человек в заданное время оказывается в месте падения кирпича? дочь любит рассказывать мне про разные теории возникновения вселенной, про теорию струн и чёрные дыры. я недавно в телеграме прочла про эксперимент, описывающий, что в определённых условиях элементарные частицы, например, электроны, способны

мгновенно сообщаться друг с другом независимо от расстояния между ними<sup>1</sup>. я не буду вдаваться в детали, возражения других учёных и противоречия, которые есть в этой давно разрабатываемой гипотезе, тем более не очень их понимаю, скажу, что мне запомнилось из всего большого текста: согласно этому эксперименту получается, что наша действительность не существует, и что вселенная это всё же фикшн, очень большая голограмма, в которой одновременно существуют прошлое, настоящее и будущее, и где возможна телепатия. вдруг это новая модель мира, идеально объясняющая вообще всё. вопрос, как к этому относиться: как к знанию, раз это научная теория, предложенная физиками, или к чему-то, во что нужно просто поверить. как будто знание что-то описывает, какой-то кусок реальности, но по сути не объясняет ничего, и мы просто верим, что законы Ньютона работают, и верим тому, что имеет больше подтверждений. в медицине врач будет рекомендовать пациенту средство, имеющее большую, пусть и не стопроцентную эффективность.

я аналоговый человек, хотя и пользуюсь гаджетами. мне дорого всё, что связано с человеческим, телесным в его относительно естественном развитии: процессы взросления, изменения на разных этапах жизни, — поэтому меня не привлекают идеи цифровизации сознания или превращения тела в синтетическое существо, дополненное и улучшенное с помощью технологий. здесь меня можно подловить как человека, имеющего отношение к медицине, и возразить, что достижения вроде кардиостимуляторов и бионических протезов улучшают качество жизни и продлевают её, и я, конечно, с этим согласна, но всегда мучаюсь вопросом, когда нужно остановиться. с одной стороны, медицина победила многие болезни, повысилась продолжительность жизни, а с другой — старость наполнилась другими заболеваниями, которые на этом этапе оказались неизлечимы до конца. так что теперь медицина вовсю трудится, чтобы поддерживать продлённую жизнь с недугами вроде хронической ишемической болезни сердца, гипертонии, сахарного диабета и подобных им, не говоря об онкологии, по поводу которой есть мнение, что перерождение клеток естественный процесс, просто не все мы до него доживаем. теперь доживаем всё больше. границы жизни и смерти размываются всё больше, я повторяюсь. я боюсь смерти, но также боюсь жить вечно. недавно в Ad marginem вышла книга Юдит Шалански «Каталог утраченных вещей», где авторка собрала истории о разных погибших вещах: исчезнувший остров, сгоревшие книги, разрушенные здания, уничтоженная картина и плёнка с фильмом и тому подобное. В предисловии Шалански размышляет о чувстве утраты в связи с потерями в истории человечества чего-то, что казалось важным и ценным, о феноменах «разрушения и распада» и как-то очень ловко и незаметно склеивает жизнь и смерть в единый процесс, где конечность всего живого представляется необходимым условием существования, так что мысль о конце всего кажется утешительной.

**Люба Макаревская**

Наверно, мой мир обрушился, как у многих, 24 февраля,  
и письмо после этой даты для меня — это возвращение  
себе языка и права на него и собирания себя из его крупиц заново.  
И попытка выживания, конечно, про которую  
каждый раз думаешь, законная она или нет.



## Чудо

Я часто представляю себе, как бы патологоанатом описал мое тело и слабый сине-лиловый след с левой стороны входа во влагалище, несколько лопнувших сосудов.

Он оставил его в воскресенье, теперь уже четверг, и он почти исчез; все эти дни мне нравилось брать в руки маленькое, круглое зеркало и рассматривать его и нравилось едва прикасаться к нему, мне казалось, что я сама становлюсь прозрачной, словно рентгеновский снимок, и исчезаю.

В воскресенье он спросил меня, хочу ли я уйти.

Я ответила:

— Нет.

Это было наше первое свидание с начала войны, прежде он никогда не решался быть со мной таким, словно боялся повредить меня. И я все время повторяла:

— Все так быстро.

И тогда он спросил меня:

— Хочешь уйти?

Я ответила:

— Нет.

И это было такое новое раздирающее чувство, как будто мир порвался на кусочки, а потом собрался воедино.

И он вдруг стал таким слабым, когда я спросила его:

— Тебе хорошо?

Я помню, как услышала его «да» в своих ушах, как он его простонал и как я чувствовала несколько секунд, что он только мой посреди ужаса катастрофы, ее темноты и непроницаемости.

И как до этого зеркало в коридоре отразило в полный рост его и меня, несколько секунд мы вдвоем смотрели на это отражение, потом он развернул меня к себе и стал целовать, он несколько раз спросил меня:

— Этого ты хотела? Этого ты хотела?

И сквозь свою обычную постоянную неуверенность я чувствовала, что да, именно этого.

Только этого.

После мы пили невозможно крепкий кофе на его кухне, и он курил одну за другой и рассказал мне, что почти перестал выходить из дома, потому что ему страшно и неприятно. Я смотрела на него, сидящего на полу у холодильника, бледного и полусонного, совершенно растерянного, и больше всего мне хотелось защитить его от мира, ставшего вдруг таким страшным, и найти самой эту защиту у него, но я видела, что он не примет ни один из способов защиты, которые я могла бы ему дать или предложить, он не примет ничего, кроме, возможно, моего тела, того, что я могла дать ему через него, и для меня тоже не было другой реальной защиты от мира теперь, кроме того, что я испытывала с ним.

И когда я уходила, я подарила ему игрушечного мягкого львенка: я знала, что он любит львов. Я носила его в кармане синего шерстяного пальто всю неделю до этого и всю зиму, я купила ему его в прошлом марте, мы долго были врозь, и никак не было случая отдать. И вот я положила львенка на кухонный стол, он пахнет мной и должен быть с ним. Станет ли он гладить его замыленную гривку, как мой позвоночник, если вдруг вспомнит обо мне?

Когда я уходила, он сказал:

— Ну спасибо, что зашла.

Я шла по мартовскому переулку вниз от его дома и чувствовала себя свободной и наполненной.

Мне казалось, что в условиях войны нет чудес, их не может быть, на них нет права, но то, что ему хорошо рядом со мной, — это есть чудо.

Поэтому мне так нравился этот бледный след на моем теле, словно он доказывал для меня самую главную вещь на свете — существование живого и хрупкого, что оно еще есть, даже посреди сплошной темноты.

На следующий день я прислала ему фото весны: черные проталины на остатках снега и сизо-голубые лужи — свежие как раны.

### Марина Васильева

Меня попросили написать текст о себе, и я поняла, что не могу ничего нормального сформулировать: я как будто либо оправдываюсь за то, что я россиянка, и начинаю рассказывать, как 10 лет ходила на митинги, но только для того, чтобы доказать кому-то что-то — неизвестно что. Либо начинаю говорить о войне, но тогда звучит как-то так, как будто я рассуждаю о том, как страдаю из-за своего сочувствия и эмпатии, а не о том, что происходит в реальности. Все, кто может это читать, знают не хуже меня, что случилось и что по этому поводу можно чувствовать. Или ещё иногда звучит так, как будто я до войны не знала, что у меня в стране что-то не то происходит, и только что проснулась, а это тоже не так, но если и это объяснять, то снова оправдываешься. Короче, ничего такого я не знаю нового про войну, что стоило бы сообщить окружающим. Поясню разве что то, что кажется противоречием: после этой вводной части о том, что я ничего не могу сказать, идёт текст. Но это художественный текст, и он нужен для другого, в нем я пытаюсь не сообщить новое окружающим, а пережить и переварить свои собственные чувства. Мне говорили, что в итоге и другим людям художественный текст иногда помогает сделать то же самое. Это было бы хорошо: хоть какой-то толк.

Родина наносит удар за ударом.  
Мама радуется, что родила девок.  
Воздух изо рта становится паром.  
Что с этим делать, что с этим делать?

«Чуют, чуют кудерцы на себя невзгону —  
Нашему Иванушке идти во солдаты».  
Люди собираются в центре города  
У памятника или у банкомата.

Каждый диктатор уйдёт в прошлое,  
Как уходят ветер и дождь,  
Но заберёт с собой маленьких и хороших,  
Впрочем, сильных и глупых тоже.

«От казённа ружьёца белы ручки стыннут,  
От тесных сапоженек резвы ножки давит».  
Это родина нас покинула,  
Это родина нами правит.

Да, диктатор уйдёт в прошлое,  
Но, кажется, навсегда останется  
В руках дрожь,  
Страх говорить,  
Нехватка единства  
И северная усталость.

Есть разные способы это переварить.  
Можно просто в другое время родиться,  
Или смириться с тем, что ничего не осталось  
Такого, что нельзя выбросить, оторвать,  
Падая вечером на кровать,  
Падая в вечность и на асфальт.

\*\*\*\*\*

В городе, где мы пели «Птица я, птица»  
Пьяными на Фонтанке,  
Стало больше нельзя находиться.  
Его бледный портрет заслонили танки.

А там вечерами ставили пьесы,  
Говорил хозяин кофейни и пел Паяц,  
Я забывала, что будет, если.  
Мы ещё не умели так сильно бояться

И разворачивали на Гостинке плакаты,  
И в лужах разглядывали облака,  
А тонкие улицы ахматовскими руками  
Вели к закату,  
Накрывшему шапкой Невский.

И ночами мы пели песни,  
Я смотрела на мост, который  
Гордо поднимает глаза навстречу Большому дому.  
Ему не страшно, он по сравнению с нами вечный.

Если бы я была мамой, я бы сказала —  
Он заболел. Ему нужно время, наверное, сколько-то лет.  
Ведь несколько месяцев — это мало  
Для такого огромного каменного пациента.

2022

\*\*\*\*\*

Детство — время бесправия и отчаянного волшебства,  
Спрятанного в карманах и рукавах.  
Вырванного из коробки со старыми елочными игрушками,  
Принесенного в жертву дружбе.

В 14 лет я выворачиваю эти карманы,  
Сидя в подъезде с зелёными стенами.

В серых сугробах спрятаны  
Чьи-то мечты и тени.

Их можно взять вместе с теми  
Сказками, что у меня в кармане,  
И положить в пластмассовую бутылку,  
Тогда они превратятся в дым.

Родина — место бесправия и отчаянного волшебства,  
Спрятанного в карманах и рукавах  
От людей в погонах, людей с иконами,  
Родственников, грозных и посторонних.

Это был трудный год, с наступающим прошлым годом!  
Мы с народом  
Стареем, но двигаемся назад.  
Учимся верить и отползать.

Время прошло назад, мы поседели.  
Добрые тени и злые тени  
Несут в рукавах пустоту и деньги,  
А те, что были в подъездах с зелёными стенами,  
Остались в пластиковых бутылках  
Белым неплотным дымом.

Мы, пережившие, говорим: а помнишь  
«Блейзер» со вкусом дыни?  
Как на стекле оставался иней?

Помнишь, как всё было залито синей пастой от ручки?  
Сумки, тетради, глаза и тучи.

Помнишь, как улицы были другими  
И моё тогдашнее имя?

Как казалось, что время идёт вперёд.

\*\*\*\*\*

Я — отвергнутое творение разбойничьей страны  
Купаюсь в холодном и липком чувстве вины,  
Но мне иногда кажется, что в крови.  
Только своих и можно ведь ненавидеть.

Нашу армию, наших мальчиков, шурави,  
Всех, живущих в тяжёлом омуте нелюбви,  
И готовых за мир и свет поднимать бокал,  
И вариться в смоле лазурного огонька.

Ветки из этого омута — на струнах мои ладони.  
Крики ворон и ястребов — моя колыбельная.  
В молоке моём камни, комья земли бездомной,  
И чужая земля — моих женихов постель.

Я сижу за столом с домашними-посторонними,  
И они поднимают тост за семью и родину.  
С их зубов во время улыбок стекает кровь.  
И я прячу под скатертью руки — крылья вороны.

2022

\*\*\*\*\*

Приходилось в четыре утра,  
Гонимой тревогой невыносимой  
Откуда-то понимать — пора,  
И в чересчур дорогом такси  
Уезжать в чужой промежуточный город.

Зато потом так остро красиво  
Сидеть одной на вокзале пыльном.  
На фоне сером и темно-синем.  
И помнить, что и меня любили,  
И выпускать из-под шапки голову.

Случалось думать, что есть такие  
Короткие, всем понятные фразы,  
Как электрические скачки,  
Быстро и обо всем сразу.

- Капитан Колесников.
- Моего собственного виноградника я не стерегла.
- Наваждение в форме нехватки текста.
- Ничего не каплет из голубого глаза.
- Все счастливые семьи счастливы одинаково.
- А из меня лопух расти будет.

Привязываясь к системе знаков,  
Привязываешься и к стране, и к людям.

«Бывало, плетусь домой, портсигар пуст».  
И под дверью встречает сырой рассвет.  
Если все станут размером с собственные чувства,  
Мне не хватит места на этой планете.

2022

\*\*\*\*\*

Господи, помоги мне выжить среди всей этой смертной любви.  
Среди боевых дронов,  
Репрессивных законов,  
Оценивающих взглядов мужчин,  
Соседа, который в стенку опять стучит.

Среди SPF, тонального крема и гуаша,  
Попыток успеть, не плача и не спеша,  
Вовремя заработать, родить, пошутить. Вовремя похудеть.  
Среди оценок тела и поведения.  
Потери прошлого, дома и накоплений,  
Среди жестокого хора мнений.

Среди требований быть титулярным советником,  
Моральным ориентиром,  
Волонтером, политиком, соблазнительной барышней в платье летнем.  
Высокооплачиваемым специалистом в сфере айти.

Господи, помоги мне почувствовать собственное существование.  
Как дерева, прорастающего сквозь кровать.  
Как человека, улетевшего в космос из тесной комнаты.  
Как мирового покоя.

2023

\*\*\*\*\*

У меня есть фотка с актом о пытках в руке мента,  
Снимок нашего класса и скан кота.  
Это всё ускользающая красота,  
Это всё моя жизнь постепенно тает.

До чего же доходит теперь усталость —  
Не уснуть уже, сосчитав до ста,  
И только больнее, когда мечта  
Приходит в голову вместо стада.

Прыгают через забор одна за одной  
Недели этой сырой весной  
И прошлой выцветшей. Запасной  
На поле вырвался — на лесное,

Остановился в кустах малины.  
А воздух сделан из пластилина,  
И мы проходим, как ледоколы,  
По морю времени беспокойному.

Таблетки должны отключать метафоры,  
Но, видно, что-то пошло не так.  
Пошло задумчиво по кривой  
И в стену врезалось головой.

Растёт желание не по дням,  
Смешное, как голова коня,  
Невыносимое, как лимон,  
Волшебной шапке сказать: «Домой!»

2021

### **Руслан Комадей**

Я не был в армии, не был на войне, и сейчас не там, где российские бомбы убивают мирных украинцев, и не знаю, каково быть изнутри войны. Как писатель могу только создавать тексты, где всеми доступными мне средствами будет изображаться отвратительность милитаризации, ненависти и насилия. «Ночной солдат» писался по ночам короткими абзацами после плохого сна, и время написания вне зависимости от моего желания сдвигалось к утру, стремясь совпасть со временем в тексте. Хорошо, что текст закончился, а я пишу этот, а не иначе.

Единственное, что остаётся, это писать об этом, не пытаясь присваивать, а болезненно слипаясь с отвратительностью.

-

(в тексте присутствуют физиологические подробности — ред.)



## Ночной солдат

*Саше Смирнову*

по ночам он уходил на войну. Им нравилось, что он возвращался, большой, ровный, с придавленным видом. Всё заканчивалось, и глаза тоже. Когда он шел на войну, на улицах было темно, идти приходилось на ощупь, от столба к столбу. Он вытирал ноги об видимое, устал. Улицы запылились, но различить этого было нельзя, что ли. Кажется, во всем мире свет выкрутили, так спокойней.

война была далеко от нас и состояла из многих новостей и глаз: кругом пыльные разветвления патрулей, дальнейшее преследование и обмякшие ноги, но это то, что видели мы, а его зрение было еще дальше.

здравствуй, стон, почему тебя вызывают вдаль и ты идешь-идешь, слизывая дорогу языком, когда подёргиваются обмирающие зрачки или ресницы крупным животным планом.

мы всё поняли, не смотря в окно, залежавшись на месте: ночь идет, а в ней колея, и он различим.

он уходил медленно, нащупывая гвоздь от проектора, проникая кожу на пальце, но не до крови — об шелущающееся мясо. Там же на гвозде форма, равной которой не выдавали: сапоги по форме свёрнутые баулы из тяжелой жижи, штаны подтянутые вровень дороги, белье всё в церковном воске, утепленные хомуты оберток, носки и щупальца, плотные свитера и куртки на все руки с накладными шапками по лицу.

одевался быстрее ухода, мы различали, как он протискивается на месте, освобождая себе вперед, дыша нелегко. Помнили его поначалу, когда он только-только собирался, до всяких ещё нолей, до 364 (триста шестьдесят четвертого) дня войны, когда мы собирались воедино.

его дыхание коробило улицу: объявления о приходе войны только на столбах, но фонари не на каждом. Он шел избыточно, разгребая асфальт от обвалов снега, пробки чёрных ртов. На бумажке было написано: «я такой же, как и ты, мне нужны близкие и земля, иди ко мне». Это была женщина или мужчина, ускользящая во тьме, но в бронежилете, с тяжелым автоматом на плече и берцами в ногах. Он срывал номер с объявления и падал за ним, грязь копилась под ногтями до черноты.

мы не могли отмывать его, любовь — это пот и накопление размытых тел, что были дальше.

напротив него стояли, показываясь, еще летние телефонные автоматы: совершая звонки, совершаешь вызов. Он звонил четыре раза подряд, четыре раза слушал, изображал пальбу, оглох и долго выколачивал кровь из левого уха, как будто она была видна. Обмокшие дыры телефонной трубки покрыты капиллярами, не дотянуться. Он выдавливал стекло изнутри и открывал будку снаружи. Так было не проследить.

ждали его, как чего-то еще, как отлова собак. Но пойманные предназначались рассвету или скомканному чувству потери.

он не разделял ответственность за тех, кто убегает и кто нападает. Даже воздух, если падал перед ним во всей разомкнутости, был затхлым, был врагом и горячей обидой. *Я такое не выношу*, — тянул он и закрывал лицо, под которым лопались стрекочущие нарывы ладоней.

иногда во тьме полыхали лопасти встреч: это отбившиеся от ночных стай скопления перемещались от поверхности к поверхности. Узнать можно было по шороху, по искривленному звуку, по тёплому запаху из бордовых дыр. Но, в целом, дышать было тяжело. Перебежки делали своё дело, он не умолкал, а только смахивал с лица липкую кожуру крови. В легких рокотала слизь, и плевки размечали округу: по ним за ночным солдатом следили инфракрасным

зрением. Но стрелять было невыгодно, пули просвечивали ночью, и ночь не была собой.

по разорванным крупкам можно было видеть дырки от порошка снега. Он шелестел, но сочащиеся ноги солдата не ждали, а шли. До рассвета уже шелуха, а конца действий не разведеть ни в ночь.

по пути было любовное объявление: «Муж жаждался, требуются крепкие руки». Он отодрал несколько букв и положил в карман, они жгли ладони и остывали слишком долго, зато подогревали бока солдата.

ближе к двум часам ночи стоило пойти к мостам поискать инструкции. На размеченной ржавыми линиями брусчатке сидели следы птиц. Они клевали сонно то влево, то типше, собираясь в скрежет, когда отдирают кожу с железного ногтя. Солдат понимал, это то, что нужно, чтобы продолжить ночь и выдохнул. Искривив рацию, что стягивала шнуром грудь, он прошептал легко: «*Полета не будет, но обзор достаточен для наших целей*». После этого вскочил на колени и перевернулся. Малый ушиб левого плеча не помешал взвести курок и спугнуть птиц. Даже без выстрела он вытирал дуло, так ему легче дышать.

дальше улица не шевелилась: то есть видны были проталины и протоптанные круги, будто кто-то был здесь в предыдущем снегопаде, но осталось мало: какие-то зубочистки и спички, угловато воткнутые, и тусклый запах гари. Солдат встал в центр круга и попробовал поссать по оси. В скукоженном воздухе моча вытекала с трудом, он растряхивал член, и капли сыпались оземь, кореза частички снежных форм. Ветер сворачивал тусклые верхние крапинки сверху и предлагал их солдату, нет, не предлагал. Солдат сам набирал смерзшиеся комья около темных капель мочи и обтирал лицо, свежесть.

передний мост в конце можно было узнать только по ветряным глыбам в проёмах. Солдат шел боком, как давали в учебке, пригибаясь, заставляя себя чувствоваться невидимым, перенося вес с ноги на ногу. Он знал, как преклоняться, чтобы его сочли своим. Перед носом как раз камера, замершая, с изморозью на стекле, невращающийся глазок. Солдат остановился, зажмурился и, увертываясь на скошенных ногах, залепил экран липким снегом. Пока он с шелестом отслаивался обратно, что-то знакомое с шепотом в шагах пробежало до следующей точки. Каждая из них была нарочной, случайной, отобранной для конкретной ночи, чтобы не повторять следы не спалиться.

оставалось часа три, пока дотикает, и ночь заглохнет. За это время можно выбрать несколько целей: чтобы по сторонам, так сохранить тело и донести до дома с частичками войны. Он мерно остановился, в ботинке гноился камень, сдавливая нерв между пальцами. Попереминавшись с ноги на ногу, ощутил, как месит грязь, и хрусткое перемежается под подошвой, вот брызнула слизь

и коркой покрыла низину штанов.

мы думали, он придет тогда же, когда и нужно, только следов принесет больше, объятия сквозь кости и ручная нежность. Но нас немало и усталость его, скопившаяся за ночь, выливалась с трудом, размазывалась по постели долго, пока свет хотел наполняться, но задерживался на кромке штор.

скоро он покажется у окна, и морщины ранений можно будет пересчитать. Это за стояние на дымящихся лужах, это за сны на растяжках, это — за то, что он победит.

впереди озеро города и переход. Лед долгий, со следами ногтей, кто стучится в пелену надолба, тот не вернется домой. Усталость покрывает солдата еще больше от ожидания, что его ждут, а что принести домой, раз он ничто не встретил.

берет нож, с выгнутой кромкой, и царапает около полыньи так, чтобы показались рты. Кажется, они щебечут: «Здравствуй, солдат, что, солдат, почему у тебя ужина нет, в каком кармане кишки хранишь, а объявления в зрачки воткнуты острой бумагой, а муха ли обрезанный палец ест, или ты кусаешь за ухо мертвую свекровь, а, солдат? Но расскажи кровь, почему она лиловыми листьями идет вразрез с гостями, что приготовить из крови по рецепту, а то опять объявление дашь, и жена опять приедет доить оборванные соски. А то и еще хуже, ты вернешься, а все, кто ждут, уже ушли на войну ползком. Ты их оттянешь, трогая каждого палкой, а не развернуться в тяге. И каждый, кто наживается, набил рот взрывами».

сказали и лопнули изнутри, когда мы виделись из окна, то и до нас долетал лепет, сгущал стекла. Солдат помахал рукой, бинт развевался! Можно и подождать, в мякоти липкой всё одно, всё образуется.

оставалось до света кругом долго, что и не приблизишь. Он пощупал сапогом мякиш льда и отвернулся в снег, в обратную сторону. Не станет переходить, а когда подгадет, будет другое место, и рты катящихся глаз обретут каждый свою льдину.

пора собирать дары, на часах, что в руке изнанки, и так дребезжат крапинки чёрных волос. Но солдат не имеет запаха, его пот холодит и улетучивается туманом, поэтому он моложе, незаметнее других, кто пот качает в окоп.

утром царапин набралось немного, одна на голени, след от ржавого следа, еще — рывина на изгибе ладони, там острый лед проткнул. Солдат улыбался находкам, это мало, но уже есть что домой принести.

он выгнулся, пока мы не видим, чуем, перелез через ограду мимо сугроба и нырнул под покрывало баннера. На нём семья призывала не спать, а отправлять деньги по адресу в благотворительность. На сомкнутые губы сжиженного мужчины была наклеена неестественная улыбка: еще одни сомкнутые губы с поднятыми уголками.

солдат поскреб баннер, пока не брызнула зыбь слюны на запястье. Образовалась рыхлая дыра, как от выстрела. Но никакой крови изнутри, чистая воронка сдержанной плоти. Он остановился, разглядывая сквозь пробелы неба, залпы. Там, где было темно, уже подрагивали копоты от лучей, скоро начнут давить, и солдат заторопился. Но и по пути домой найдутся следы.

вбирая в охапку отрывки бумаг, щели пакетов, шерсть раздавленной кошки, воздух проткнутого колеса, стеклянную пощечину, горб согнутой инвалидной коляски, резьбу оторвавшегося тромба, но он уже близко, идет.

скоро сможем не доползать до окна, не видеть, а просто дожждаться. Простой трепет шагов, пусть он до наждака скребет ноги кожурой зимней травы, но, ощущая сверху, желание только движется по краям плоти, и скоро доберется.

солдат смачивает пену изо рта, и она кубарем остывает, больше не встанет. Протирает лучистое отверстие и сноровкой проворачивает два шага мимо рухнувшего фонаря в сторону самого близкого дома.

утро снова захотело заранее, и это страшно. Отменять — тяжелая сила, для того придется надавливать, и то, что высочится, замажет тёмным.

дом приближался, и рябь его значила больше, тряслось. Под утро у солдата опухали колени, и блестящие гематомы гудели. Только им не было надрыва, там даже качалась кровь, плавая. И не остановить.

добрался до перекрестка, здесь немного жгло, надписи на красном цвете светофора «уйди» и дальний отросток автобусной остановки весь в пятнах. Под ногой солдата жезл постового, избытый каловыми массаами.

теперь улица еще и пахла: молодым мизинцем, но это уже дом, он упруг тропинками к нему, он шевелит его изнутри, почти касаемся.

конечный проход сквозь середину двора. Внутри мимо скамеек роящаяся воронка, хорошая, прикрытая пахучим одеялом, солдат любил прислоняться к ней как мог и соскребать с края землю в карман, там она всегда свежая.

мы последний раз к утру проредили штору, вдавивши взгляд, и отлипли от оклада окна. Он тщательно у двери прорывал руку в кармане, выцеживая оттуда

ключ, ковыряет железом по двери «милая, я вернулся?», как это пароль короткий, но срабатывает, и дверь выводит на лестницу без коридора, чтобы в следующую открытую, одну на всех нас спальню.

мы так ждали тебя, так ждали, он разрыхляет тело, впаивается в наши остальные тела. Кровать кишит, тени гнутся, в штанах тяжелые уздцы, он водит побитыми пальцами, втыкая ногти в головку, застревают, и снова пыль, стягивая свитера, лижет нитки, и мы мокрее его, пока сочится из кончика как будто кобура, нам мало, нужно ебать повсюду, ползая по всем укроминам кровати, где мы, еби сюда, пока хуй тухлый, еби здесь и дрыгайся, твои мы, мни и мни, анальные воронки из-под сигаретных ожогов, разрыхляй и разрыхляй, приноси следы, въеби кулаком по моей войне, загни нас раком, слепив из простыни анус, путай любые щели, назови нас блядскими, обконченными мразями, выебанными шлюхами, защеканом, обмокнутой плешью, вывалившейся кишкой, геморройной шишкой, кровоточащим соском, вылезшим из зада, лопнувшей мошонкой от голода, иностранными ебарями, дырявыми потаскухами, хуйлом, господом ебливом, глоткой, проткнутой насквозь, давай ещё, не молчи, выбирай слово за волосы, разбросана шелуха, гнути подмышек, лобковые стержни, шарики жировиков, скомканые капли под корневищами, водит и водит хуем, смазывая жидкостями, водит и водит хуем, сгребает к щелям гнутую глотку, овал дыры с месячными, залупу, чтобы драть сквозь, пальцы отверстий скрести клитор, короткие объявления «ищу мужа, что ушел», анус, измазанный липким желтым говном, капли любимого гноя, падаль любимого героя, щель любимого... в сердцевине кровати скошены фрагменты, свернутая дуга от нижней половой губы, в жидкой пыли, головка от члена с драной уздечкой, молочная жижа влагалища, колба рта, заполненная гнилой спермой, води води хуем пока не кончится люби нас люби при свете пока хуй висит держись за висяк тяни соскребай все ошметки целуй каждую кровоточину открой рот для ссанины пахнувшей гречкой, а завтра — четверг.

солдат полыхает и разгребает растяжки тел чешет жопу до слизняков кусает себя в клитор хочет купить автомат продырявить цель займет детей, поднести подношение увидиться с мужиками, подышать воздухом, купить кента постоять на балконе, подарить нам подарок, обкапать червями дождями когда-нибудь подмыться замереть, он победно вытирает хуй об простыню, вся одежда кипит от пота, соленые разводы на рукавах и седые пятна от булькающей мошонки, лежи, переливаясь пузырями удовольствия.

частичным смешно, они занимают прикосновением каждый миллиметр его хуя, толпятся лёжа, внутренние каналцы, сосуды, потную кровь. когда утро настает, он его игнорирует: слишком свечение, слишком легко, чтобы гулять, завтра опять кормить семью ночью. Зато из каждой мертвой расщелины в постели каждую ночь шепчут: я любила тебя, а ты — нас.

**Елизавета Гарина**

С запада, крайнего, российского только. В феврале'22 потеряла страх и превратилась в ии — машину для воспроизведения слов, что лежат И на дне, И на поверхности (плюс в этом — перестала заебываться); пытается осмыслить травму или подтвердить вытеснение. В данное время имеет в анамнезе коммуникационную анемию.

Одни воюют, чтобы войны не было,  
другие против любой войны,  
все хотят мира — но по-разному.  
Сопряжены.  
Эрмитом.  
Базово.  
И мы с тобой — каждый в своей любви —  
не понимаем, как можно не иначе,  
по крайней мере, действуем от имени ее.  
Унитарно.  
Резистентно.  
Закреплены.  
Когерентно, компланарно, резонансно  
связаны эхом сигнальных систем,  
будто богомол и его самка, —  
мир с уроборосной кожей змеи:  
Вынашивает.  
Растит.  
И убивает.

### Обучение мальчиков

1.  
ранил. д9 — убил.  
долбали палками по древесным лягушкам —  
а10 — на дереве тоже  
(когда мальчики сбиваются в стайки  
истребителиупыривурдалаки  
прирожденные убийцы,  
чище гиперзвуковых ракет)  
у каждого есть женщина — мать  
(да что она может)  
у каждого будет женщина — жена  
(да что она может)  
когда они сбиваются в стайки  
сначала убить ее имя  
потом память о ней

2.

после убийств изучают взрывы:  
от хлопка ладоней до Хиросимы  
сколько нужно зарядного вещества  
какова дальность удара  
эффективность т.е. численность  
жертв  
какова  
а пока просто взрывают  
тут и там петарды  
под ногами травы  
птиц  
неба  
содрогается позади себя спина  
и всюду пахнет ее бледность

3.

а потом их в школе учат:  
калькулятором множь,  
копипастом воскресь —  
чисел что людей через край, —  
автосейв в облака не забывай  
а по сейлу три за два,  
так что всем хватит лебяжьего пуха —  
земля глубока —  
верещагин курган завещал  
в широкоформатном безлесье.

4.

а этому их никто не учит  
это последствия прошлого наученья  
нам не дано предугадать как  
и мать, и жена – свинья,  
которую мучать и загонять  
а она — молчать и терпеть  
(что она может)  
так делает все живое, пока не умрет  
мать народит еще

уникальныхнезаменимыхродных

*(что она может)*

но в природе численность тех видов больше  
без кого, действительно, никак.

5.

вот ты отсидел за все, что сделал

с лягушкой, проходим,

девушкой той

в пост-травме заклады роешь

как в лесу малолетний торчок,

*(где мать, где жена — что сможет  
терпеть и молчать)*

лягушки убираются из-под твоих ног

муравьи сворачивают с твоего пути

другие звери отводят взгляд:

он опасен на его шее крест —

на душе его

как после урагана

висят

неопознанные молодые тела

{в противоборстве матери и блудницы

побеждает — жаленье:

кровь и сперма под подолом

расходятся кругами

а дышать все труднее:

героизация, стыд, абстиненция

адамова яблока, приравненного

к опыту как рудименту истории —

раздвигаются ногами

разветвляются в начало Земли,

где не отличить эякулирующий пенис от молочной груди}

### **Пупуш Забелян**

Моя семья из Армении, но последние двадцать лет живёт в России. Я же нахожусь между двух войн и двух родин.



## Когда я была русским

*I look like them, but not to them.*

*I sound like you, but not to you.*

*(Charlotte Audigéry, Bolis Pupul. Blenda)*

Уехав из России, я могу снова твёрдо и гордо заявлять, что я армянка. Более того, армянский язык предоставляет ясную категорию для меня: ես ամենայնուհետև: То есть я принадлежу к русским армянам, так же как другие могут быть грузинскими армянами, персидскими армянами и так далее в зависимости от принадлежности к конкретной диаспоре. Но в месяцы до отъезда мне казалось верным говорить, что я русский. Хотя это была и шутка, в ней был ответ на некоторые витавшие в воздухе сомнения. Что значит, когда нерусские говорят, что они русские и как это возможно?

С началом полномасштабного вторжения в Украину национальный вопрос в России обрёл новую актуальность. Теперь как будто от всех требуется занять по нему позицию. Общая динамика приводимых ответов задаётся несколькими течениями. Можно, например, быть русским и сплотиться вокруг тяжёлого решения президента. Альтернативно можно настаивать на своём отличии и несовпадении с русскими. Это два пути относительной ясности, два пути знания.

Если путь акцентирования своей нерусскости требует дополнительных шагов, чтобы разобраться, какими именно стать нерусскими и как это сделать, то в первом случае всё предельно ясно. Причём ясно всем и по всему миру: куда бы вы ни пришли, все знают, что значит ваша русскость и чего от неё ожидать.

Такая определённости породила много тревоги, переживаний и иногда яростного несогласия. От неё же были самые проклятые высказывания и идеи за прошлый год. В побеге от собственной русскости придумали провалившуюся нацию, хороших русских с отдельными паспортами, выжженное поле путинистов и непреодолимый разрыв между уехавшими и оставшимися. Среди всех этих людей, которые не знают, как дальше быть русскими, я решила, что со всем своим опытом могу показать им путь, и стала на каждом шагу заявлять, что я русский.

### **Переживание ассимиляции**

Идентификация с титульной нацией — процесс для нерусских чаще всего навязанный. Подобная ассимиляция — часть имперской политики. Навязать свою религию, свой язык, свои имена, свои названия поселений. В конечном счёте можно рассчитывать, что однажды сами люди, подвергающиеся ассимиляции, забудут свою культуру. Множество структурных изменений, начиная от постепенного появления первых миссий и до обязательного образования по стандартам имперского центра, подталкивают к идентификации колонизированных с колонизаторами. Так, культура постепенно может отмереть, как будто даже естественным путём.

Несколько более неожиданно видеть идентификацию власти с колонизированными народами. Когда президент говорит «я лакец, я чеченец, я татарин, мордвин, еврей, осетин», мы сталкиваемся с чем-то новым. Я в этой ситуации вспоминаю, как легко кавказцы, побеждающие на международных соревнованиях по единоборствам, становятся россиянами или даже настоящими богатырями. И как во всех остальных ситуациях они, как и я, продолжают оставаться хачами.

Но мой опыт уводит меня в неправильную сторону. Как часто отмечают азиаты России, цель путинских высказываний в том, чтобы утянуть с собой представителей всех народов, измазать кровью всех. К тому же это позволяет удобно использовать в своих целях западный расизм: в преступлениях оказываются виноваты не те, кто принимали и исполняли решения об убийствах, а азиатское влияние на них. И это будут повторять на кухнях, в сети и даже в папских энцикликах.

Во всех народах, испытывающих на себе имперскую политику, есть люди, готовые идти на ассимиляцию, будь то ради своей выгоды, по искреннему желанию или только из соображений удобства и безопасности. Легко можно найти по одному человеку от каждого из двухсот народов России, чтобы они вместе сказали “Я русский!” на видео. Что стоит за этим утверждением в жизни тех, кто говорит это искренне, а не за обещанную плату?

Обычно за этим стоит принятие и поддержка политики государства, вне зависимости от интересов народа, к которому принадлежат поддерживающие власть, или иногда даже вне зависимости от интересов самих этих людей. Реже встречается позиция консолидации с народом, с россиянами. Народ здесь понимается часто как единое целое, без противоречий и расходящихся интересов и мнений. Весь народ хочет одного и того же, и те, кто с ним отождествляются, конечно же, знают, что именно нужно народу.

Не менее важно, что никогда не обнаруживается в поддержке правительства или народа от таких нерусских. В ней никогда нет серьёзной критики сложившегося устройства. Изменение положения в пользу большей возможности самоопределения для жителей страны никогда не входит в список чаяний тех нерусских, которые говорят, что они русские. Для них важны атрибуты власти: флаг, герб и территория — что бы это ни значило для людей. За этой позицией лежит только идентификация с властью. В ту же группу попадут и те нерусские, которые не пытаются называть себя русскими, но будут просто стремиться из страха перед возможными проблемами максимально поддержать власть. Для них важно не высовываться и не отсвечивать: иначе можно нарваться на депортацию или агрессию националистов. Отождествление себя с русскими, поддержка президента или речь от имени народа здесь значат одно и то же. Первично именно принятие и поддержка права на принуждение, самой власти и подчинения, которые в итоге всегда значат гибель — уничтожение народов или смерти конкретных людей.

### **Нерастворимый остаток**

От российской интеллигенции любой национальности нередко приходится слышать, что все мы русские, будь мы евреи, татары, горцы или кто угодно ещё. Как бы то ни было, утверждают они, мы все относимся к русской культуре или определяем себя в её координатах. И хотя, мне кажется, что эта позиция немало упускает (например, все нерусские будут куда больше настроены узнавать что-то о людях своей национальности, чем сами русские), я хочу принять это допущение и разобраться, нужно ли его чем-то дополнить. Хорошим проводником по этой территории будет Манижа.

«Russian Woman», с которой Манижа выступала на Евровидении, во многом воплощает ассимиляционистские устремления. Текст её песни по большей части бессмысленный и выводит только обобщённый образ женщины, которая в горящей избе коня на скаку остановит. Её номер предлагает выборку женщин, которых подводят под этот образ: это представительницы многих национальностей самого разного возраста, телосложения, происхождения и из самых разных уголков страны. Платье Манижы — большая механическая конструкция, которая вбирает многие национальные костюмы. Но самый распознаваемый объединяющий элемент её выступления — то, как она хлопает дверью, выбираясь из этого платья.

Всё ли в этой песне и в выступлениях на Евровидении работает на создание собирательного образа, в который вписалась бы любая женщина России?

Нет, Манижа оставляет один знак, чётко указывающий на нероссийское происхождение. Мы слышим восточные инструменты, ритмы и мотивы в её музыке. Причём это именно восточные мотивы, не часть и развитие какой-то конкретной традиции, а аллюзия на музыку огромного региона, Ближнего Востока и Центральной Азии (но и не откуда угодно). Это сомнительное, конечно, обращение, и всё же оно имеет конкретное значение в песне и тематизируется в её творчестве дальше. В контексте этой песни восточные мотивы указывают, что можно быть русской женщиной, несмотря на все однозначно нерусские черты.

Сингл «Недославянка» разбирается с теми же вопросами. Как и все, кто относится к третьей культуре<sup>1</sup>, Манижа испытывает трудности с тем, чтобы претендовать на причастность как к культуре страны, из которой уехали её родители, так и к культуре той страны, в которую они приехали. Причём трудности могут быть как внешние, так и внутренние: как неприятие в новой стране или в оставленной родине, так и стыд за своё происхождение и восприятие. Маниже приходится искать способ заявить свои права на отношение к каждой из этих культур. Карикатурные мотивы — один из таких способов. При этом не исключено, что исполнительницы из Таджикистана будут использовать без каких-либо проблем такие же или близкие партии в своих треках.

До сих пор мы не поговорили о главном событии в каждой из этих песен. В них обеих в какой-то момент Манижа переходит на английский. Уходя от русского, она выбирает не родной язык своей семьи, а третий язык. Так, сам выбор языка дублирует жизненную ситуацию Манижи. Причём на английском иногда проговариваются главные моменты. «Russian Woman» представляет собой набор тегов и стереотипных ситуаций из облаков вокруг понятий «русский» и «феминизм». Её посыл проговаривается напрямую, но сколько русских женщин поймут, что *they are strong enough to brake the wall*?

Культурная ассимиляция может быть полной, но остаётся несводимый физический аспект: есть люди, которые из-за своего внешнего вида не будут признаны членами титульной нации. Во второй совместной с рэпером Фарди версии клипа «Недославянка», записанной в поддержку преследуемого тогда комика Идрака Мерзализаде, проговариваются именно эти моменты. Как бы глубоко мы ни были погружены в русскую культуру, как бы ни идентифицировались со страной, внешний вид некоторых из нас будет указывать на нерусское происхождение. И из этого последует настороженность прохожих на улицах, повышенный интерес к нам полицейских, нежелание сдавать жильё или принимать на квартиру и проч. Часто это отношение начинается с внешнего вида, порой оно меняется из-за голоса, а иногда появляется в ответ на наше имя. В заявлениях о своей русскости от нерусских таким образом чётко выделяются две группы.

Эти заявления легко принимаются от тех, чей внешний вид сходит за русский, и никогда окончательно не принимаются от «лиц кавказской внешности», «выходцев из стран Центральной Азии» и всех прочих из нас, для кого придумали такого рода эвфемизмы. Одни слишком легко теряют то, что их отличает, другие не могут доказать свою близость. Отсюда две противоположные стратегии: равенство и принятие для первых значит признание их отличия, равенство и принятие для последних — принятие их схожести. Манижа, очевидно, принадлежит ко второй группе, и это определяет эту часть её творчества. Исполнительницы из первой группы, те же Бурановские бабушки, например, будут акцентировать то, что их отличает.

Если учесть этот момент, новым светом играют две строчки из Недославянки:

*На земле родной я уже чужой,*

*На земле чужой — ещё не родной.*

Казалось бы, всё очевидно: покинув родную страну, ты отделяешь себя от её судьбы и становишься чужим. Оказавшись в чужой стране, ты предпринимаешь усилия, чтобы однажды в эту страну вписаться. Но такой взгляд принимает во внимание исключительно культурные и социальные элементы: изучение языка, обычаев и этикета, легализация своего пребывания в стране. На физическом уровне всё работает иначе: тела определённого, конкретного вида оказываются своими и чужими в каждом конкретном уголке мира. Так, например, прохожие едва ли с ходу назовут меня чужаком на Южном Кавказе, в Средиземноморье или на Ближнем Востоке, потому что я выгляжу как многие люди в этих местах. И совсем не так дело в России или многих европейских странах. Если бы строчки Манижи отражали фактическое положение дел, то, кроме хиазма, они должны быть одинаковыми:

*На земле родной я уже чужой,*

*На земле чужой уже не родной.*

Неприятие на чужой земле — это исходный пункт. Там, если ты не выглядишь так, как привычно местный, ты всегда уже не родной. И если ты оказываешься в этом положении, говорить, что ты ещё не родной — это значит утверждать не только, что ты поменяешься, но и что поменяется само представление о том, что такое быть своим, быть родным на этой земле.

Песни Манижи как раз оказываются в этом положении и предлагают разрешать именно эти проблемы. В невозможном совпадении с образом русской женщины, между двумя народами, оба из которых не включают, а иногда и не хотят включать, всё, чем является Манижа, она заявляет о том, что она и есть русская женщина. Она постулирует, что можно и следует принять как русских тех, кто не совпадает с представлением о русских, чтобы не ограничивать не только их, но и себя в условиях непредсказуемых миграций.

### **Неопределённо-русский**

В чём источник тревоги русских (и чуть меньше всех россиян)? В том, что теперь слишком понятно, что такое быть русским. Государство диктует, кто такие русские. Русские — это ясноликие светловолосые люди, обязательно

православные, их основным языком непременно русский. Они никогда не задумывались о своём гендере, и у них ни разу не было интереса ни к кому не противоположного пола. Ещё они обязательно хотят рожать детей и жить в России. Поэтому они поддерживают своё правительство и хотят войны. Такой или похожий образ транслируется в стране и за её пределами. Он порождает оправданное желание всеми силами отделиться от всего, что связано с ним.

Но невозможно использовать так имя народа. Моё заявление и заявление Манижи о том, что мы русские показывают, что есть пространство для трансформации представления о русских. Не «хороших» русских. Просто русских. С началом вторжения это заявление становится жестом солидарности и знаком возможности изменений. Не надо бросать русских, в том числе потому, что монополия на русских используется государством. Мы же заявляем, что русские могут быть какими угодно. Нет никакой неизбежности в отношении к этому или другому народу. Потому что в конечном счёте, кто вообще знает, что значит быть русским.

**Ксения Аленчик**

Этот текст очень важен для меня, потому что он очень (слишком) личный.  
Но как и всякий автофикшн — это своеобразная игра в правду или вымысел.  
Это история о девочке в оранжевом пуховике и о ее однокласснике.  
Может быть, это была даже я.



## Оранжевый пуховик

Человек, который собирался поставить папе памятник, теперь смотрит на меня с аватарки камуфляжным терминатором в бронежилете с нарисованным черепом в маске из украинского флага. Автомат при нем тоже перевязан жовто-блакитными лентами.

И я почему-то думаю, что он не поставит папе памятник. А договаривались мы почти год назад. Я приехала тогда в Чернигов, и на второй день начался злобный аллергический насморк, будто страна меня отвергала. А может, это была аллергия на бедность. Мой родной город последние лет тысячу донашивает остатки былой славы и хорохорится, бодрится, распускается цветами, рассыпается уличными кафешками, а по закоулкам прячет то, что стыдно показывать — обдолбанных подростков в сырых подъездах и их родителей с зарплатой, равной платежу за коммуналку.

Когда я училась в школе, у меня был одноклассник Паша. Он был хороший мальчик из интеллигентной семьи школьной учительницы и университетского преподавателя. На редкость для парней из провинциальных городов, Паша не матерился для создания антуража крутости, не пил водку за гаражами,

не набрасывался на девчонок с пошлыми предложениями, а наоборот — носил мой портфель и провожал домой. А потом, как сказала бы наша классная руководительница, мы «побили горшки», и дружба пошатнулась. Поводом стал оранжевый-вырви-глаз пуховик.

Пуховик был добротный: длинный, с поясом, золотой блестящей фурнитурой и модными стразами. Покупали всей семьей в бутике турецких вещей, денег не хватило, доставали из заначки доллары, и пуховиком я очень гордилась. Но когда зимой две тысячи пятого пуховик из оранжевого превратился в «помаранчевый», а я в нем — в ростовую куклу, символизирующую революцию, я его возненавидела, хотела сбросить его, как змея шкуру, но от безысходности продолжала носить до весны. Я мечтала, чтобы революция скорее закончилась, чтобы люди перестали носить оранжевые ленты и флаги, и чтобы мой пуховик перестал быть символом, а стал просто пуховиком. А мой одноклассник Паша ездил с мамой на Майдан, носил на рюкзаке оранжевую ленту и мой пуховик, наоборот, уважал. Чтобы нейтрализовать эффект пуховика, я говорила Паше, что я за «голубых». Тогда Паша сообщал, что «голубые» — зеки, на что я отвечала подслушанной у кого-то фразой, что «помаранчевые» — американские подстилки. Дети очень любят играть в игру «свой-чужой».

Когда Крым вдруг стал наш, я жила в Москве, мои бывшие друзья оскорбляли меня «ватницей», в отместку я говорила, что у них «майдан головного мозга». Так я снова надела тот оранжевый пуховик, хотя он давно уже истлел.

Когда началась война, меня «повысили» до предательницы родины (интересно, какой?), остатки моих друзей превратились во врагов, а мои родственники — в беженцев. Мой одноклассник Паша превратился в героя. Посмертно.

Говорят, что очень странно смотреть, как твои одноклассники стареют, что ты якобы только так понимаешь, что ты сам тоже постарел. Ещё более странно — смотреть, как они умирают молодыми на войне. Только так понимаешь, что ты ещё живёшь.

Читая некролог о Паше в одной соцсети, я узнала так много нового о нём, хотя мне казалось, что я и так знала всё: что он любит «Симпсонов», влюблен в мою подругу, хрустит костяшками, когда нервничает, хочет исправить оценку по английскому, всегда готов помочь мне донести портфель до дома. А оказалось, у него жена и трое детей, он командир какого-то дивизиона, носит очки. Я вглядывалась в его возмужавшее лицо и ничего не чувствовала.

Я сделала себе укол обезболивания всего организма, такой себе ботокс для нервов, и теперь не испытываю эмоций, ни хороших, ни плохих. Я больше не чувствую, только думаю: рационально, сдержанно. Соображаю, как переводить сейчас деньги в Украину жене покойного.

Я не хочу думать о том, что хороший мальчик Паша из интеллигентной семьи мог кого-то убить. Например, он мог убить мужа моей подруги, тоже патриота, тоже героя и тоже отца. Но он его не убил. А кого убил? Я не хочу думать о том,

что мой одноклассник Паша мог кого-то убить, ведь он носил мой портфель, любил «Симпсонов». Но все-равно думаю.  
Оранжевый пуховик преследует, наблюдает.

Каждый вечер, чтобы хоть что-то почувствовать, я просматриваю русскую (или русскоязычную) группу помощи украинским беженцам. Иногда я скидываю деньги нуждающимся, рационально, сдержанно. Но представить, как они там сейчас — новорожденные младенцы, уже ставшие беженцами, которым не хватает памперсов и детского питания, или тот семилетний первоклассник, у которого нет настольной лампы, чтобы учить уроки по вечерам, или мужчина-инвалид, которому нужны удобные кроссовки, чтобы ноги в них не отекали. Как они там, в этих холодных бараках, делящие одну кухню на десятерых, чтобы сварить детскую кашу? Может быть, среди них мои соседи? Или преподаватели? Официантки из моего любимого черниговского кафе? Или любимая учительница английского? Среди них могла быть и я. Но меня среди них нет, потому что я — по другую сторону, стою и смотрю на них. В своём странном оранжевом пуховике.

**Юля Попова**

Я всю жизнь прожила в России, и сейчас живу, и хочу здесь жить. Через три недели после начала войны у меня диагностировали депрессию, с помощью психолога, таблеток и любви я с ней справилась. А с глобальной тиранией и последствиями пропаганды справиться не могу, иногда от этого хочется выть и на стену лезть. Остаётся только вера, что справедливость победит, пелена спадет и желаю всем сил.

Я переворачиваюсь вниз головой  
Чтобы вытряхнуть всю тревожность и страх  
Сирены кричат  
Я представляю как сирены кричат  
И человек в своем доме  
Где должно быть тихо и безопасно  
Но сирены кричат  
Сердце стучит с учащенной скоростью  
Каждый человеческий план в каждой семье в каждой квартире сошел на нет  
Тысячи сердец стучат барабанами  
Но этого никому не слышно  
Потому что рассвет бьётся в истерике взрывами  
И сирены кричат

Крошится лёд крошится земля  
Слова крошатся  
Мысли раскрашиваются  
Мир распадается на части  
Пытаясь соединить его в единое тело  
Рассыпаться в невозможности и бессилии  
Слезы наполняют мировой океан  
Щиплют солью гусиную кожу  
Руки воздержаны к небу  
К людям а не врагам  
Опасность абсолютной власти новым поколением будет устранена  
Тридцатого мая бросив дела весело празднуем Праздник Козла

На улице птицы поют  
И солнце вываливается из горизонта  
Светит уже какой день  
Так ярко  
Так ярко уже какой день  
Для этого места неслыханно  
Неожиданно несомненно  
Наступает весна  
Весна время когда все оживает

Мы знаем  
Нас так учили  
Все оживает  
Весна новая жизнь  
Проснуться от зимней спячки  
Птицы поют  
Встречая весну  
Не зная войну  
Мы тоже проснулись  
Только с криками нет  
Только с криками хватит  
Солнце ты выглядишь лицемерием  
Солнце это фальшь и лукавство  
Весна две тысячи двадцать второго  
Теперь ты не жизнь  
Ты смерть  
Ты люди задержанные в отделениях  
Ты люди прячущиеся в подвалах  
Ты младенцы рождающиеся в метро  
Ты ужас боль и страх  
Ты ещё можешь называться весной?

Мы разговариваем ночью на кухне  
И все начинается с шутки  
А потом мы используем слова  
Мобилизация и военное положение  
Они застревают во рту  
И вываливаются  
Чем-то вроде матерной ругани  
Тем что мы не должны говорить  
В таком нашем развитии двадцать первом веке  
Мы не должны говорить  
Такие слова должны стать архаизмами  
Не оставив в языке и следа  
Но они определяют нашу реальность  
А потом мы говорим друг другу спокойной ночи

Дети из хосписа выстроились буквой Зед  
В поддержку спецоперации в Украине  
За что меня взяли то  
Я кричала я за мир  
Нанесла на снегу надпись путем удаления снежного покрова с гранитного  
основания памятника В. И. Ленину  
Полупроводники у нас будут свои  
Они у нас уже свои  
А через пол года будут ещё лучше  
Минобороны Беларуси решило запустить флешмоб  
Вот вам эти всякие красивые штучки модные  
Мы без них проживем  
В Екатеринбурге полицейский лопнул у протестующего желто-голубые  
воздушные шары  
Внушал прихожанам церкви информацию о нахождении военных сил  
российской федерации на Украине  
Убийства жителей Украины, братьев и сестер во Христе  
Маргиналка  
Чё ты думаешь нам за это чё будет?  
Нам ещё и премию за это дадут  
Пожалуйста остановите это  
Хватит пожалуйста пожалуйста  
Это сон я не верю в это

**Аня Бородина**

Больше года с войной. Внутри продолжается выматывающая работа по осмыслению катастрофы, снаружи — всё то же оцепенение. Как быть дальше? Что делать? На что ставить? Пока так: жить, любить, писать.



## Пушечки

Проснулась и услышала: как будто возится с чем-то в коридоре, тяжело дышит. Лежала несколько минут. Справится сам? Потом донеслось старческое, сиплое «Анюта!». Вскочила, открыла дверь — лежит в кальсонах на полу. Хватается в темноте худыми руками за воздух, не может встать. Кидаюсь к нему, даю руку, обе руки — шипит, не может опереться, сил не хватает. Пытаюсь поднять, не выходит. Хоть и маленький, но тяжелый. Кое-как ползём до кровати, тащу его за плечи, а он перебирает ногами. Рывок, ещё один, и почти забрасываю его на одеяло. Он валится боком. Потом расправляется, ложится ровно. Сажусь рядом, сердце заходится в груди, как после забега.

— Ничего, — говорю бодро, — ничего, ну упал, оступился ночью, с кем не бывает. Хорошо, что я приехала, правда? А как во время войны медсестрички раненых бойцов выносили, — специально говорю, знаю, что ему понравится.

Теперь нам страшно, поэтому разговариваем почти до рассвета. Точнее разговаривает только бабушка, а я просто сижу в ночнушке в его кресле. Чтобы успокоиться, цепляюсь взглядом за вещи: книги, стопки газет, коробочки из-под лекарств. Бумажки с телефонами газовой службы, рецепты из поликлиники,

кошачья щетка. Простые карандаши, лупа, ножницы, тонометр, линейка. За окном кормушка для птиц, пучки веток на фоне мутного питерского неба.

Дедушка в свою очередь монотонно перебирает воспоминания: военное детство, послевоенная бедность, лётчики, физики, академики, лауреаты, герои Советского Союза, дважды, трижды герои. Зачем демократы развалили союз. Зачем этот Путин полез в Украину.

В семь ухожу к себе, но не могу заснуть. В оцепенении скролю новости двести сорок пятого дня нашей новой войны. Потом поднимаюсь, достаю с полки бархатный альбом. Из него сыпется ворох открыток, телеграмм, пожелтевших грамот. Нахожу фотографию, небольшую, черно-белую, с надорванными краями. На ней в полный рост две лохматые угрюмые девчонки. Они держатся за руки: одной лет восемь, второй не больше пяти. На самом деле, это мой дедушка и его старший брат, просто одеты они здесь в какие-то платки, тряпки. Фото времён войны, эвакуация. Их тогда долго-долго везли из Украины к Казахстану — в городок Соль-Илецк. Вид у мальчиков был до того жалкий, что незнакомые женщины, наливавшие им в кружки молоко у вагонов, плакали. Дедушка часто вспоминает их слёзы.

На следующий день дедушке легче.

— Анюта, — он заходит ко мне в комнату, садится на диван, — ты знаешь, что такое пушечки-«сорокопятки»?

— Нет.

— Ну как же! Противотанковые сорокопятки, самые маленькие пушки, сорок пять миллиметров, пробивали немецкую броню.

— А-а.

— Так вот, о чем я? Солженицын врал, что был на передовой, потому что он на фронте-то и не был! Когда ему Нобелевскую присуждали, сказали свою биографию написать. Но чтобы без вранья. И он, значит, написал, что сидел в штабе. Понимаешь, да?

— Хм.

— В штабе, на телефоне то есть! А не на передовой, где тебя могли первым же выстрелом убить. Потому что на передовой были одни смертники: танкисты на первых наших танках, артиллеристы на сорокопятках. Или гусеницами тебя раздавят, или расстреляют.

Дедушкин профиль белеет на фоне ковра. Дедушка на меня не смотрит. На моих коленях телефон: он то и дело вздрагивает новостями.

**В Украине почти семь тысяч человек имеют статус пропавших без вести...**

**КНДР тайно поставляет России снаряды для артиллерии, считают США...**

**МИД России опубликовал заявление «о предотвращении ядерной войны»...**

— ... или расстреляют. А Солженицын, значит, в штабе полка! Ну понятно, это ж тоже надо, никуда от этого не уйдёшь. Но одно дело на телефоне, а другое — смертником на передовой. Понимаешь, да?

— Да.

**Власти Киевской области призвали жителей сделать запасы воды и еды...**

— То есть Солженицын кто? Участник, правильно. Но не надо врать, что он воевал. Вот когда он свою биографию написал, то всем стало понятно, почему он выжил. Потому и выжил. Что на телефонах сидел и всяких генералов друг с другом соединял. Верно я говорю?

— Верно.

**Российские войска атаковали Черкасскую область дронами-камикадзе, — заявил глава региона...****В Госдуме опровергли введение уголовной ответственности за уклонение от мобилизации...****После ракетных ударов в Украине значительно затруднены перевозки резервов в районы боевых действий железнодорожным транспортом...**

— Ну хорошо... Так как мы дальше?

— Дальше мы обедаем, ты выпиваешь мемантин, потом мы делаем тебе примочку на палец, потом свободное время.

— Значит, сейчас обедаем, так?

— Так.

Дедушка с усилием поднимается с дивана, выходит. Я слышу звуки включенного радио на кухне. Радио звучит торжественно, как в детстве, звучит так, будто тридцать лет по нему передают одну и ту же музыкальную передачу.

Я прикрываю дверь, я ложусь на пол, я закрываю лицо ладонями, я плачу. Я похожа на сатанинский гриб, дедушка, я отравлена вашей бесконечной войной, во мне течёт чёрная кровь. Несносный старик, ненавидящий Путина, Гитлера, Горбачева, Бродского. Голодный мальчик, обмотанный женскими платками в эвакуации в Соль-Илецке. Скуластый юноша, потерявший в 41-ом отца, бредивший кораблями, приехавший из Украины поступать в ленинградскую корабелку. Любимый дед, подкармливающий синиц и кошек, засадивший весь двор костлявыми кленами, присылавший мне каждый сентябрь циркули и карандаши.

Я дышу, я вытираю слёзы, я сушу щеки, обмахивая их руками, я встаю и подхожу к бабушкиному трюмо. В зеркале толпятся заплаканные женщины: это не я, не я, это мои бабки, мои прабабки с очумевшими от войны глазами. Они пришли оттуда на меня посмотреть.

Я выхожу в коридор, я открываю холодильник. Сейчас будем есть щи.

## Голиаф

Безглавая жажда возвращенная многими, питаемая одним.



## Манифест Сениля

Преждевременная, патологическая старость.

Жизнь, увядающая в беспомощной попытке повтора абсолютно непрактичной чуши, сказанной или сделанной, а главное — забытой и исполненной заново. Она же, угнетаема фантомными образами некогда «нормальной» жизни, столь далекой сейчас, в общем, всегда далекой. Потерянное, оторванное от ориентации в пространстве пребывание, в котором дом — это образ из детства, а сейчас — лишь жилье, в котором живешь то ли день, то ли год, то ли пять. Это хрупкие архетипы детства, юности, которые оголила сенильность, оставила их незащищенными, открытыми для интерпретации. Это неумолимый процесс бессмыслицы, горестный или потешный для любого стороннего свидетеля. Десятки, сотни поделок, выкинутых в пустоту, лишенных сопровождающей речи, но бережно завернутых в мычание.

Жизнь для Сениля — старческий бред с неизбежной нуждой в Другом, амбициозное бормотание себе под нос с надеждой наткнуться на того, кто его услышит. Поиск понимания поражения ума среди умов, видимо, победивших, или таких же потерянных существ как тот, кто ищет.

Всё это, чтобы затем бесцельно и радостно крутиться вместе с ними в давно знакомых интерьерах, каждый раз как будто находясь в них впервые. Сениль забывает о вчерашнем, но хорошо помнит немного более давнее, инфантильное позавчерашнее, для него течение времени это постоянная смена малозначимых обстоятельств, нанизанных на глубинные стержни самых первых воспоминаний, что чудом оформились фундаментом его мировосприятия. Для сениля память весьма сложна, непонятна и честно, глубоко индифферентна, поэтому любая попытка внедриться в машину межчеловеческого порядка, воспринимается как подготавливающая к этому детская игра, которая никогда себя не преодолевает, не заканчивается, оставаясь «понарошку».

Сенильность это утрированное пребывание в городе, затерянность среди шума, толпы, других, с которыми невольно соотносишь себя, но воззвать к ним не можешь. Впрочем, сениль также разговорчив, хотя его речь и находится на уровне вещей настолько обыденных, что они становятся неуместными, высказанными настолько странными словами, оборотами, что кажется, будто этот человек болен. Город — это, одновременно, и условие такого состояния, и спасение, ибо толпа дает иллюзорную общность, необходимый чувственный заряд нахождения среди кого-то, кого ты либо не помнишь, либо никогда не знал, но чувствуешь, что это как будто бы кто-то близкий. Не помнишь или не знаешь его социальной роли, идентификации, позиции и взглядов, но все равно слышишь запах чего-то реально или мнимо знакомого.

Сенильность это игра на полутонах, где ничего не может остановиться, стабилизироваться, плавание в вечно тревожных водах, в первобытном супе с откровенно разваренными объектами в нем. Сениль видит на горизонте отдаленные образы прежних грез о прежней жизни, но не хочет и не может к ним стремиться. Его ведет небо, полное разрозненных указателей, указывающих путь «из дома», но не домой, ибо его уже не вспомнить. Сениль это самоустраняющаяся амбиция, высыхающий поток и безудержная дряхлость, протекающая в одиноких квартирах вне рамок культуры и контркультуры, как позиций тошнотворного утверждения или отрицания. Повтор, усталость от любой памяти позволяет ему просто быть, просто продолжать бормотать и делать бесполезные вещи, вместо того чтобы привязываться к неинтересным историям, неинтересных людей, которые сениль не способен удержать в голове.

Его сердце пористо и оторвано от большого, внешнего тела, лишено дальнерукой эмпатии и ярких аффектов. Он говорит о погоде, в то же время, по привычке, остатками ума называет драму драмой, ужасы ужасами, комедию комедией, но воспринимает как сведение — сегодня дождь, и я под ним не намок, кто знает, что было бы, если бы намок. Лишь клеймо «больного» позволяет сенилю оставаться нетронутым внешним телом, продолжать свою марзаматическую речь, лепить из неё не совсем понятные, но милые поделки. Продолжать повтор, который когда-то был начат как необходимое действие, например, сложить вещи в шкаф, или написать пару функциональных слов, но затем, однажды втянутое в повтор, необходимое превращается в избыточное,

абсурд, в ненужное, мешающие «должному» действие, от которого сенилю очень сложно оторваться. И нужно ли? Да, чтобы поеть. Если сениль может существовать не единожды, а хотя бы пару раз, то единственное, что наверняка может быть общим между ними, это притязание на право быть неуместными, неприличными, неуважительными, неприятными и попросту лишними.

Сениль не более близок другому сенилю, чем один дементик другому дементу.

Сениль не более отрицание, чем желание утверждения его таковым сделать.

Сениль не более утверждение, чем желание отрицания его таковым сделать.

Сениль не более политичен, чем животное, убитое снарядом.

Сениль не более бессердечен, чем собака, привязанная к своим хозяевам.

Сениль не более амбициозен, чем молодой человек в начале своего пути.

Сениль не более самоуверен, чем Голиаф перед тем, как быть обезглавленным.

Сениль не более стабилен, чем курс вечно страждущей гривны.

Сениль всегда не более чем.

# ~~РАСПУТИЦА~~